

СМЕНА

Издательство „ПРАВДА

2

ТЯЖЕЛО В УЧЕНЬЕ— ЛЕГКО В БОЮ

Тов. Тимошенко на тактических занятиях в Ленинградском военном округе. 1940 год.

«Легко в ученье — тяжело в походе, тяжело в ученье — легко в походе», — любил говорить генеральный русский полководец Суворов.

И он неустанно, днем и ночью, а любое время года, на любой местности тренировал свои непоколебимые полки, приучал их к тяготам боевой жизни.

Суворовскими традициями, суворовским духом наполнены страницы выпущенной Военздатом

замечательной книги «Школа боевой учебы».

В этой небольшой книжке с исчерпывающей ясностью, глубиной и силой обобщен и раскрыт опыт перестройки боевой учебы Красной Армии, которую осуществляет сейчас нарком обороны Герой и маршал Советского Союза товарищ Тимошенко по указанию товарища Сталина и правительства.

В книге описываются учения частей Красной Армии, которые проходили в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке.

Страница за страницей здесь рассказывает о том, как батальон вел наступление в полосе инженерных и химических заграждений, как наступают танки и пехота вслед за огненным валом, как организуется оборона и наступление в современном сложном бою, как обеспечивается взаимодействие между родами войск, без которого не может быть успеха на полях сражения.

В книге много красочных эпизодов, характеризующих доблесть, физическую закалку, находчивость и инициативу участников занятий.

Маршал Советского Союза товарищ Тимошенко все время находился с бойцами, наблюдая за ходом учений и указывая, как надо действовать, чтобы достичь лучших результатов.

На занятиях N-ской стрелковой дивизии в Западном Особом военном округе народный комиссар, поочередно обходя действующие части, подошел к противотанковой пушке и в беседах с расчетами указывал, какую большую ошибку

Тов. Тимошенко на тактических учениях в Киевском Особом военном округе. 1940 год.

Фото М. Бернштейна.

бойцы совершают тем, что не оканчиваются и плохо маскируются.

— Не надо биться черной работой, — сказал товарищ Тимошенко наводчику орудия тов. Грозикому, — люди вы развитые, отлично понимаете, зачем надо оканчиваться, и все же не делаете этого. Разве вы белоручки?

— Мы знаем, как маскироваться и оканчиваться, — докладывали бойцы народному комиссару и добавляли, что на этот раз им не были даны указания.

— Не нужно ждать каких-то особых указаний, а сразу же, как остановился, — врвался в землянку, помня, что вперед действует противник, который стремится нанести поражение, — об'яснял бойцам народный комиссар.

Красная Армия по праву считается самой передовой армией в мире. Командиры, полкочетчики, бойцы Красной Армии не раз доказывали своею беззаветною храбростью, мужеством, героизмом в бою за родину, за партию, за Сталина. Красная Армия вооружена самой передовой военной техникой.

Но, чтобы победить, надо постоянно совершенствоваться, давать вперед военное искусство.

Побеждает тот, кто не уступает в достижимом, кто придает войска в мирных условиях к трудностям, охватывающим военное время.

Разбирая итоги занятий, нарком решительно выступил против эгоизма и самопоклонности, против парадности и шаблонности в боевой подготовке.

«Основной нашей задачей в текущем году, — сказал нарком, — и долгие каждого из нас является подготовиться и сделать всеобщим звеном роты, батальоны и полки.

Народный комиссар советует командирам и бойцам помнить старое суворовское правило: «Тяжело в ученье — легко в бою».

— Некоторые командиры, — говорил товарищ Тимошенко, — считают, что если они освободят бойца от рывка окопа, от передышки полком, то делают доброе дело, дают бойцу облегчение, а на войне, если все будет по-иному. Такие рассуждения приносят бойцу не облегчение, а вред, ибо когда ему потребуются действовать в боевой обстановке, то он окажется неподготовленным. Нужно отбросить это ложное представление. Мы должны больше трудиться, ибо затраченный на учение в мирное время труд с легкой окупится в бою.

Трудно пересказать богатое содержание этой книжки, в которой приведены ценные высказывания тов. Тимошенко по многим вопросам военной тактики. Вот, например, с какой предельной ясностью и глубиной сформулирована мысль наркома о наступлении:

«Наступление — великое дело. Наступательный бой самый сложный, и он недостаточен для неподготовленных людей. Пока мы не научимся наступать, нас будут преследовать неудачи. Нужно практически перейти к обучению этому виду боя, привить командирам и бойцам навыки правильно действовать в наступлении, не допускать никаких усложнений и складок в этом отношении».

«Школа боевой учебы должна стать настоящей книжкой каждого командира».

Профессор генерал-майор
В. МЕЛИКОВ

Тов. Тимошенко беседует с командиром противотанкового орудия тов. Дитенбаем на тактических занятиях в Московском военном округе. 1940 год.

Фото А. Устинова.

На обложке: в разведке. Фото А. Устинова. На обороте обложки: строевая хожеевая команда 6-го ремесленного училища на тренировке (Москва). Фото Л. Бардукова. Оформление номера В. И. Урина.

Товарищу Клименту Ефремовичу ВОРОШИЛОВУ

Центральный Комитет большевистской партии и Совет Народных Комиссаров Союза ССР горячо приветствуют тебя, первого соратника Ленина и Сталина — одного из активнейших строителей коммунистической партии, виднейшего организатора вооруженных сил Советского государства и выдающегося полководца Красной Армии — в день своего шестидесятилетия.

Всю свою жизнь с юношеских лет ты посвятил революционной борьбе за дело рабочего класса, за коммунизм. В годы первой русской революции 1905—1907 г.г. ты боролся в передовых рядах революционных донецких рабочих и вместе с Лениным и Сталиным строил виллу большевистскую партию. Ты был одним из активнейших участников Великой Октябрьской социалистической революции и большевистским руководителем ее в Донбассе, одним из первых организаторов рабоче-крестьянской Красной Армии. Под твоим командованием в-я Украинский поход к Чирвицкуну, прорыв кольца белоказачьей контрреволюции. При твоём руководстве участия была создана Первая Конная армия, покрывшая себя неуязвимой славою. Ты прошёл с ней славный победоносный путь, оскрущая денкинский контрреволюцион, грома белоказаков, миквидируа белые банды Врангеля.

Твоей неустанной многолетней работе по руководству Красной Армией — она во многом обязана тем, что выросла в могучую и грозную силу.

На всех этапах твоей славной революционной деятельности партия знает тебя как мужественного и последовательного борца против врагов партии и советского народа. Своей неутомимой и плодотворной работой в качестве партийного руководителя, государственного деятеля, строителя Красной Армии ты заслужил любовь и уважение нашей партии и советского народа.

От всего сердца желаем тебе, наш дорогой друг и боевой товарищ, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей партии и Советского государства.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (большевиков),
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР.**

От ЦК ВЛКСМ

Дорогой Климент Ефремович!

Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи в день Вашего шестидесятилетия шлет Вам — славному соратнику Ленина и Сталина, маршалу Советского Союза — пламенный комсомольский привет.

Вместе с Лениным и Сталиным Вы, Климент Ефремович, были одним из первых организаторов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Ваш талант большевика-полководца ковал, ее боевую славу и мощь. Вам мы во многом обязаны тем, что Красная Армия превратилась в грозную силу, способную от-

стоять от нападения врагов интересы народа, социалистического государства.

Ваш жизненный путь партийного руководителя, государственного деятеля, бесстрашного полководца учит советскому молодёжь искусству борьбы и побеждать, большевистскому стилю в работе, огромному трудолюбию, беспредельной любви и преданности своему народу, всеобъемлющей партии Ленина — Сталина.

Желаем Вам, дорогой Климент Ефремович, еще долгие, долгие годы жить и работать на благо и счастье народов Советского Союза.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.**

«И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов в Кремле». С картины А. Герасимова.

ТРИ ДНЯ

Дачка ФИБИХ

15 октября 1918 года в запыленном штабном вагоне, остановившемся на станции Воропоново, под Царицыном, происходило важное совещание.

Вокруг стола, на котором была разостлана полевая карта-трекзастка, исчерченная карандашом, сидели загорелые до черноты командиры и политработники. Доклад делал Ворошилов, молодой, с томюрусными волосами, расчесанными на боковой пробор. Кожаная куртка его, перетнутая бойными ремнями, лосилась как кусок антрацита.

— Нечего скрывать, товарищи, положение очень тяжелое, — интриго и серьезно говорил командиром. — Казаки насадут, Генерал Краснов, после того как мы его разгромили в августе, получил от кабаровских оккупантов боеприпасы и опять летит на Царицын. Мобильная вся Донская область. Против нас брошено 12 конных и 8 пехотных дивизий — не менее 60 тысяч штыков и сабель, около 300 пулеметов, 150 орудий, бронепоезда. Наши силы, как вам известно, — 50 тысяч человек, — Ворошилов умолял, постукая пальцами по карте. Брови сдвинулись. — Как мне только что сообщили, наши части оставили станцию Всартино...

— Басартино? — тревожно вырвалось у кого-то.

— Да. Противник в двадцати километрах от Царицына.

Командиры сумрачно переглянулись и притихли, положив руки на эфесы кавказских, отделанных серебром шашек. Кто-то вздохнул. Еще более тягостной стала тишина в вагоне. На путях перекинулись резкими свистками маневрирующие паровозы, уныло пели вдали сигнальные рожи.

— К югу от Царицына Волга перерезана белыми, — продолжал Ворошилов. — Сообщенье с Астраханью прервано. Рассчитывать на помощь неоткуда. Надо, товарищи, отбиваться своими силами. И не только отбиваться, но и громить врага. Как мы его привыкли громить.

Кулик, начальник артиллерии 10-й армии, сердито притоптал подошвой дымящийся на полу окурок:

— Громить-то можно было бы, да чем? Самаряд — кот валавал.

Крепко сбитый, плечистый, с черной бородой во всю грудь, начальник артиллерии походил на самого заправского казака.

— Я снова послал требование в штаб юж-фронта! — сказал, нахмурившись, Ворошилов.

— А, штаб южфронта! — Кулик с досадой махнул рукой и отвернулся: о чем, дескать, говорить.

Все помолчали. Все знали, что нужны были снаряды, патроны, обмундирование для бойцов. А ذخیره в Реввоенсовете республики и в штабе южного фронта агенты Троцкого оставили защитников Царицына, изнемогавших в борьбе с сильным врагом, совершенно без боеприпасов. Патроны и снаряды поступали сюда случайно, кое-как.

— Пока что наиболее действенный способ обороны — бронепоезда, — Ворошилов одобрятельно взглянул на Алыева, начальника бронепоездов. — Не любят их казаки.

— Правные говорят, что у них называются бронепоезда «красными дьяволами», — отозвался Аляев.

Молодое, смелое, отваженное лицо его улыбалось, приметая кожаная фуражка лихо сидела на затылке.

Действительно, десять царинских бронепоездов, большей частью сооруженных из обычных платформ, обложенных мешками с землей, и вештных цистерн, в которых были прорезаны бойницы для пушек и пулеметов, навели панический страх на белоказков.

— Итак, товарищи, — начал было командир и не закончил.

Снаружи послышался чей-то отчаянный, в ход бросавший вой.

— Казаки!

Воронцов вскочил, отшвырнул ногой велосипед ступ и бросился к окну вагона.

Сквозь серое от пыли стекло видел был стальной перекладень с висидици и дивер медным колоколом, с доломатными гвоздями приколаженного садика, являющегося последние лимонные листья.

Встретившись прошел по толпе красноармейцев и бесшумно, делаясь, сползавшихся на платформе. Люди замечали, приближаясь к вагону. Поставив на землю ведро с кибиткой, которое она тащила, растерянно оставалась деловито и степенно солдатского ватнике. На озвученном личике ее астериз ужас.

— Покоже, прорвались,— сказал сквозь зубы Воронцов.

Он схватил со стола сумочку папирос, наклонился на голову, привлекло растерятого кобуру, кинулся к двери, рывком к себе.

— За мной!— крикнул на бегу.

Теснясь в узком тамбуре, командиры один за другим выскакивали из вагона.

Вдали, за красной подоконной, выдвинулось обаяние пыли, оно быстро приближалось. Вибрация на откатывающемся вагоне указывала какому даву, полным карьерой несущуюся на Воропоново. Ковнища широко раскидывались по стогу, стремясь охватить старую сприну и слова. Донесли глухой накатывающей тысячу конит. Огненный галл Воропонова определял численность неприятеля не менее чем в полк.

На толпушке шлепала с плачем и волнами высказывая беженцы, разбегались во все стороны. На путях металась жеженцы, тащили за собой спотыкающиеся ребятишки.

— Ой, дивненько, ругайте!

Даже караульные бойцы, захваченные налетавшей стайкой ужаса и растерянности, смешались с толпой бегущих неизвестно куда женщин, детей, раненых.

Вот куда бежали, не спрашивая от одержимого врага? Сразу за станционными постройками открывалась лесная роща—ни кустан, ни холмика.

— Стой! Не бежать! По местам!— крикнул Воронцов.

Гневный и властный голос командира услышавши, кое-кто из бойцов остановился. Воронцов быстро огляделся, соображая, что делать дальше...

Ведя лава уже бегло, от коноского топота гудит и выдрагивает земля. Сказать трудно были краски окрестности, пыльные от ярости и торжества борютае лица, оскверненные лошадиные.

Казаки неслись с пронзительным визгом, крутили над собой клинки. Лото выплывала, отражая осеннее солнце, остро заточенная сталь.

Вязанно лото Воропонова ожилало. Пулемет Он одиного стоял на пригорке, брошенный бойцами. Командир подбежал к нему, повернул на скачущую конюшу массу, горючо оставил ленту пулемета, сальным шитом, задвинул спусковые рычаги. Палец Воропонова затрещал, прорыви победола длинная бронзовая лента, утыканная патронами. Все потонуло в оглушительном треске.

Передние казачьи лошади завалились на дыбы и стали валиться, роняя всадников. На упавших с rygаона наезжали задние, спотыкались и тоже падали. На земле гудели бархатистые кони и люди.

Неслись из степи крики, стоны, рыканье... А пулемет в умах руках командира попрежнему был пламенем и дымом.

Сбоку точно эхо отозвалось пулеметная оверель. Воронцов оглянулся. Неподозреку от него работала другая пулемет, его артиллерия отскакала Кулик и командиры. В главных местах захлопали, затрещали ружейные выстрелы. Обгоревшие отагой и мужеством Воропонова, отпуску обегались с выстрелами в руках красноармейцы.

«Панка прошла, люди хотят и будут защищаться»,— полумал Воропонов.

Теперь казаки не были страшны! Излученная губительная и неприятельская кавалерия дрогнула, рассыпалась в беспорядке по полю и повернула назад. Вот и

последние конники скривились за холмом. Только пыль курилась вдали...

Все это произошло в несколько минут.

Воронцов поднялся, сбил ладонью землю с колодок. Шеси его раскраснелись от выхлопов и ветра. Блестя повисевшими глазами, командира подошел к Кулику:

— Вышли станциями по первое число... Что это у тебя? Карта?

Кулик отозвался на руки. Действительно, он держал свитую оперативную карту, которую вполых захватил с собой из вагона.

Воронцов усмехнулся, взял карту, разглядывал.

— Нужно проследить за казаками, чтобы снова не ударили.

— Теперь не ударят, обогнали,— самоуверенно отозвался на то-то из командиров, еще озабоченных боевым азартом.

Но под строгим взглядом Воропонова говоривший сразу же занулся и умолк.

— Помыните бесшестности, товарищи,— внушительно сказал командира.

Отдав звуные распоряжения, они повернулись к присутствующим командирам:

— А теперь в вагон. Давайте заканчивать. Прерванное совещание возобновилось.

* * *

Ожесточенная битва под Парицином достигла предельного накала.

Генерал Краснов решил во что бы то ни стало, любой ценой, взять, наконец, неприступный город.

Беспорядочно в течение всего дня 16 октября белые с безмощностью кидались на Парицины. Временами казалось, что усталые советские войска не в силах больше выдерживать эти беспорядочные, настоящие удары.

— Патронов! Сварьдов!— неслось со всех участков в Парицины.

Но стариков и патронов было в обрез. Измотанные непрерывными боями, красные часты шаг за шагом отступали к городу. Теперь защитники Парицины были прикрыты к самой Волге. Дальше отступать было некуда.

Тот вечер 16-го ожесточенное сражение стало тише, стихать. Все атаки неприятеля были отбиты.

Сильно потрепанные казаки отшли на свои позиции и скрывались в балках. Наступила краткая передышка.

Обезьяна передовые позиции, Воропонов видел окопы, в которых залегли красноармейцы. Через окопачи тынулись два— три ряда дровяных заграждений. Это были последние укрепления, оставшиеся у защитников Циоуцзяна.

В пестрячий рай мелкая мятая карта и пахал бойцы, отдававших носе издалека широкой сватки. Кто читал винтовку, кто вяло жевал скудную пайковую краюху хлеба, кто спал, завернувшись в шинель. Угрюмые, черные от усталости и грязи лица, зашпанные грязью, обмотанные ржавыми от кроин бытами...

Всего семь—восемь километров гладкой покатой равнины, где не за что было зацепиться, отделили передовую линию фронта от города.

Сегодняшнюю войну Парицины останется советским.

А завтра? Что будет завтра?..

* * *

В просторном зале со стрельчатыми, готическими окнами, с тяжелой мебелью резного дуба и с оранжерейными пальмами в углах, лежащей на стене обильной оперативной картой стояли два человека. Один худощавый и чернушный, в простом френче,—председатель Революсовета. Смутное лицо его было спокон, строго. Покуривая ореховую трубку, он внимательно слушал, что говорил ему командир 10.

«Лестра под высоким потолком горела тусклым, красноватым накалом: городской электротрансформатор с перебоями давал электрическое освещение поменялся сейчас штаб 10-й армии.

— Вот здесь, в районе Воропоново—Садолова, всего в нескольких километрах от города, в котором Воропонов, войдя палачем по карте, на которой крохотными цветными флажками была

обозначена линия фронта.—Слова они стетивают свои лучшие силы, готовя кулак. Нет никакого сомнения, что именно здесь,—Воропонов подчеркнул ногтем,—наметен основной удар. И мы их тут и встретим...»

На письменном столе задремалый телефон. Председатель Революсовета неторопливо подошел, взял трубку, ответил негромко и спокойно:

— Да. Сталин... Офицерская бригада? Знаю. К вам, товарищ Кулик, уже послан офицер с приказом: в Удмуртском Белом долине лежню, Хорошо.—Сталин послал трубку.—Кулик сообщает, что к белым только что прибыла офицерская бригада. Занимает передовые позиции.

На сомкнутых в штабе армии не раз говорилось об этой бригаде. По словам перебежчика, она состояла из 10—12 тысяч офицеров, формировалась в Удмуртском Белом долине, но со дня на день и вот теперь она полонела, чтобы со свежими силами ударить на измученных защитников Парицины.

Сталин снова подошел к карте и вместе с Воропоновым стал обсуждать план готовящегося контрудара.

Часов в одиннадцать вечера появился высказанный передовой линии Кулик. Незадолго перед тем, прибывавший в поле, в пыли мотоциклист вручил ему пакет, где собственноручно Сталин был найден приказ немедленно сосредоточить в районе Садолова—Воропоново всю имеющуюся на фронте артиллерию. Неожиданный приказ означал: в течение нескольких часов, до рассвета, нужно было переставить и установить на небольшом участке в три—четыре километра двести орудий, разбросанных по всему фронту, от Гумрака на севере до Сарепты на юге.

Не зная что и подумать, совершенно пристроенный Кулик тем же менее деятельно приступил выполнять приказ.

В азат он возмущался, по-военному ступая, бороздящий, обвернутый, и, взяв под коздрек, доложил Сталину, что артиллерия, согласно приказу, ставится к месту на отдаленному участку фронта. Линия фронта не составляла на десный случай незначительное количество орудий.

— Какие фланги?—переспросил Сталин. Брови у него строго шевельнулись, и он вынул трубку изо рта.—«Любо в приказе несвоевременно либо вы нас не поняли. Рабоченно-воинские приказываю нам сосредоточить на этом участке всего,—он подчеркнул это слово,—артиллерию. Все, что можно собрать за ночь. До единой пушки».

Кулик глядел широко раскрытыми глазами.—Опасное вложение, товарищ Сталин,—сказал он.—Значит, вся артиллерия будет сосредоточена в одном месте? Противник может окружить центральный участок фронта, и тогда мы оставим совсем без орудий и снарядов.

— Белые потерели неудачу на южном участке. Мы вместе все основательно, чтобы они готовятся к решительному удару именно здесь, в центре, на Воропоновском направлении,—спокойно и твердо ответил Сталин.—Мы должны войти на малейший риск, чтобы отбить очень большую опасность. Понято?

Воропонов улыбаясь смотрел на озабоченного начальника артиллерии.

— У белых сейчас здесь лучшие силы: офицерская бригада и мамонтовская конница,—сказал командира.

Артиллерия сделает все, что может, товарищ Сталин. Если же Кулик, завладев всеми артиллерию долее поддержать и закрепить нехота. Ребета дрались героически, но сейчас выжились из сил. Они засыпают стая.

Сталин вынул из сивий кулак дыма, прошептал: Под террилопальными шагами докраснел паркет.

— Совершенно верно. Люди очень устали. А раз люди устали, им должна сейчас помочь техника и в первую очередь артиллерия. Как только люди уйдут, что наша артиллерия заработала по-настоящему, не беспокойтесь, появятся и патроны и боевой дух. А мы в лапони дадим все, что еще есть. Живите в форсе.

Целый час провел начальник артиллерии в штабе. Сталин и Воропонов разбирали все

полюбости предстоящего отпора и разгрома каменной атаки. Они подчеркивали, что орудия нужно подвозить и устанавливать в полной тишине. Ни в коем случае нельзя выдать себя раньше времени. Огонь должен быть открыт по особому сигналу, когда казак выйдет на открытое поле, расположенное перед батареей.

Подной ночью Кулик вернулся на передовые позиции.

Темная, осенняя ночь прошла в напряженной и молчаливой работе.

Сиротяные от белых грядой холмов, подвезжали все новые и новые батареи тяжелых и легких орудий, стянутае сюда со всего 40-километрового фронта. Позиции были намечены заранее. Пушки и гаубицы устанавливались плетью, одна от другой в нескольких шагах. Кое-где в два—три ряда.

Люди двигались в полном мраке, переговоры шли между собой шепотом. Даже курить запреще было строго.

Ночь была тихой и холодной, сомно щекалки адали, в темноте, редкие выстрелы.

Было раннее, с заморозком, утро 17 октября.

Со седой от инеев степи, направляясь от Царицына к полуразрушенной железнодорожной станции, вокруг которой расположились батареи Кулика, быстро катилась серая открытая машина. В автомобиле сидели Сталин и Ворошилов. Холодное розовое солнце подымалось за их спиной.

С каждой минутой все отчетливее доносился издали грохот орудий. «Бух! Бу-бух! Бух!» — глухо и грозно перекатывалось за горизонтом.

— Белые начали артиллерийскую подготовку, — бросил Ворошилов, напряженно всматриваясь вдаль.

Далеко, на краю неба, появлялись, надолго повисая, розоватые точки шрапнельных разрывов.

Внезапно канонада прекратилась. Наступила тишина — тишина густая, надувшаяся как пузырь, готовый вот-вот взорваться чем-то страшным.

— Двинулись в атаку, Ворошилов откатился, взглянул на часы, нагнулся вперед в нетерпеливом желании ско-

рее увидеть, узнать. Сталин молчал. Лицо его было сосредоточено, глаза зорко прищурены.

И вдруг воздух и земля дрогнули от чудовищного грохота двухсот царских орудий, ударивших одновременно, секунда в секунду. Степь озвучилась бесчисленными всплесками неслышимого залпа. Давление равнина — там, за стационарными строениями, где шевелилось и подблескивало что-то живое, огроное, нахлывавшееся волнообразными грядями, — сразу вся задвинулась и закипела. Над полем подымались черно-желтые клубы дыма и затянули его дымной пеленой.

Степь превратилась в гигантский булущий котел.

А артиллерийские пушки все так же беспояданно били и били по заранее намеченной, выверенной цели.

Не было слышно отдельных выстрелов и взрывов снарядов — канонада слилась в общий, непрерывный гул.

Такова была та встреча, что приготовили Сталин и Ворошилов для белоказков.

Майна замедлила ход. Красноармейцы, артиллеристы, стоящие в резерве вооруженные рабочие оглядывались на автомобиль. Приказавшие узнавали.

— Ура! — закричал кто-то, вахмистр картюма, и вырвавшийся из самого сердца крик загрел и раскатился по равнине, подхваченный сотнями голосов.

Со всех сторон к автомобилю кинулись красноармейцы. Размахивая шапками, теснясь и толкаясь, они бежали рядом с машиной. Они окружали ее плотным кольцом.

Едва приехавшие вышли из автомобиля, как к ним, захлывая растущую шивель, подбежал взволнованный, сияющий Кулик. Вытнувшись, тяжело дыша, он доложил Сталину о выполнении приказа.

— Неприятель никак не ожидал такого сюрприза! — возбужденно рассказывая начальник артиллерии, шагал рядом со Сталиным и Ворошиловым. — А ведь как, полдень, наступил! Развернутым строем, с барабанами. Будто на параде. Зато теперь дуют без оглядки...

По мере того как орудия переносили обстрел глубже, создавая огненную завесу в тылу разгромленного, гонимого бе памяти противника и отрезая его отступлению, постепенно открывалось совершенно неузнаваемое поле

боя. Дымчащиеся, развороченные, изрытое гребнями воронками от снарядов, оно было покрыто тесами офицеров. Первые шеренги наступившей офицерской бригады так и ползали рядами под косой смерти. Вдали, сквозь редкую аилу дыма и инии жалко мелькали отдельные панфиловские бегущие фигуры.

Атака белых была блестяще отражена. Однако у казков еще оставалась возможность уйти из-под бесощающего обстрела, перестроиться и попырбовать снова броситься на Царицын.

Теперь настало время для окончательного разгрома врага. С севера, по колеевой ветке, лодками броневых, оставшихся на пути и стали бить орудийным огнем. С юга и слева, с флангов, вырвались вперед за линию окопов грузовики с пулеметами, врезались в гущу смешавшихся белых и начали расстреливать их в упор.

Водуиленные пешотники с винтовками наперекосе бросились преследовать бегущих казков.

— Поидемте, посмотрим, — предложил Сталин, смачивая пальтом пыль с лица и глядясь в сторону даль, где еще трепали выстрелы.

Томко и вкратце высветила над его ухом дудя, за ней другая. Кулик предложил подняться на железнодорожную водокачку, превращенную в командный наблюдательный пункт. Оттуда же лучше видно, уверил начальник артиллерии. Но Иосиф Виссарионович в ответ бросил на него хитрый, смеющийся взгляд:

— Нет, мы с Ворошиловым хотим быть поближе да поближе. Правда, товарищ Ворошилов?

— Разумеется.

Минутая разбитые неприятельской артиллерии проволочные заграждения, все трое направлялись по изрытому, затянному дымной мглой полю к передовым, наступающим цепям. И везду, где пользились Сталин и Ворошилов, гремела приветственные крики, взлетали черкуху картюги, апашаи. Те самые люди, которые вчера едва держались на ногах, сейчас радлись в бой.

И не было на свете силы, способной устоять против них.

Смятый и растеряный враг в беспорядке отступал по всему фронту.

Петли ослады Царицына была разорвана.

«Оборона Царицына». С картины П. Соколова-Скала.

тельным, и только он никак не мог представить себе, что из него побегут с выстрелом белогливы и он ударит этого белоглива штыком. Своим штыком!

Он взгнулся на штык, штык был знакомый, черный, почти оловянный. Широко шума, неведомо откуда взвизгивая прошли над головами в сторону противника наши самолеты. И сразу растопили в туманной дымке туч, далеко за деревней. Кто закричал «вперед», кто слышал. Наступила удар по осебенной тишине, и «вперед» закричали не то вперед, не то сбоку, но все вскопши и, пригибаясь, побежали между кустов вниз, к ручью. Они бежали больше было не слышно: они обвораивали свои репы. По всему склону бежали люди, они валились в снег, летали, снова перебежали и снова ложились за кусты. И тут началась ружейная и пулеметная стрельба.

Но Вася еще ни разу не выстрелил. Он только потрогал гранаты на поясе и, стараясь не останавливаться и не задерживаться, бежал все никак и никак по склону и вперед, сам не зная как, поскользнулся и сел на камень. Он был внизу, перед черной волной словенного снегом ручья.

Ручей был оловянный, и берег над ним, круто подымавшийся и покрытый лесом, был тоже обвораиван, но это уже был вражеский берег, и оттуда прилетали пули. Они ударили в валуны над ручьем, в деревья, они сбивали снежную шаль с ветвей и от их близкого полета стоял в воздухе вьюг.

С этой минуты Вася не ощущал течения времени. Он в числе первых притянул к ручью рабросанные по берегу бревна и по ним перешел на тот берег.

Тут все скопились снова под кустами, выровнялись и пошли в город; Вася стрелял по ручью направо, так как оттуда летели пули, видно за лесом. Горючей деревни уже не было видно в асходе, зимний дым, туманный и мокрый, не хотел проясниться. Солнце закрывало пепельно-белые тучи сырым, пепельно-белым туманом, задевая верхушки сосен.

Резко ударил пулемет. Стрелки бросились на снег, и Вася оказался рядом с Иванушкиным. Иванушкин теперь не вздрагивал, он стрелял охотничьим, истово целясь и яростно двигая затвором.

Обгоняя бойцов, сбoku прошли танки. Они легли швы в горы, и бойцы переглянулись поимамке. Все глубже в лес и все выше подымались наступающие.

Уже кое-кого обожгла пуля, кто-то застыл и упал, и на него посыпался снег с густых ветвистых елок. Пробравшись через лес, Деревня со столбами дыма подымавшимися тяжело к небу, встала, маяча на холме, почти вплотную.

Тут был спуск, и на этом спуске Вася увидел дикие выси и невиданные им еще вещи.

* * *

Простая сельская дорога между двух тен лесов круто подымалась к деревням и полям наверху. Там, где она начиналась от лошаины, стены холма были срезыны, и по этому отвесу танки пройти не могли. На самой дороге стояли вбитые в землю гранитные обелиски, белые столбы. Они стояли кучно, и что-то мрачное было в этих перепородивших дорогах столбах, уходящих в снежную поляну, по которой вилась колючая проволока.

Неразо стрелки побегли прямо на гранитные столбы. Вася видел, как в нескольких шагах от них что-то загнуло и черно-белое облако закрыло бежавших.

Минуту-две крикнул некоего человека в один голос, и вторая минута взорвалась рядом. Бойцы залегли в перелеске. Два неподвижных тела, далеко откинувшись, вярнули в снег. Тогда по снежному полюсу, как бы пропущенная снежной покровом, двинулся танк. Он шел, как будто напуган все мускулами. Новый взрыв закрыл его, и когда обло дымая упал, танк стоял наверху, перебитая пополам гусеница вела, показывая резко оборванные концы.

Ваша танка беснуемо повернулась, из длинного ствола ударила луч пламени. Сняряд ушел в лес, и стрелки видели, как рухнуло дерево, перебитое им.

Стрелки лежали, пули врага были в танк, сбивая окраску и свистя по краям брони.

Здесь впервые Вася ощутил прилив ярости. Он готов был метнуть все гранаты, но в кого? Лес тучи невидимого врага. Только чаще и чаще ложился пулеметные очереди. Стрелки лежали перед надобами, стреляли по воздуху в сторону Деревни.

Внедрив все джесом ступь отдельный голубой дом, и в нем были открыты окна. Он был хорошо виден: может быть, на этих окнах и стреляли.

Неожиданно для себя Вася увидел совсем рядом комиссара. Комиссар был плотный, крепкий человек в полушубке, с биноклем на шее, шапку в руке. Он стоял, пригнувшись у дерева, и смотрел на дорогу.

По цели прошло движение. Комиссар, высоко держа маузер, вымажал совсем прямо на такую непростую дорогу, и стрелки оказались, что совсем просто бекать за ним и даже лучше бекать, чем лежать так, стреляя.

Комиссар бежал вперед, стальной, красивый, ярким и вальдом. И за ним, не обращая внимания на пули, спотыкаясь и крича «ура», бежали стрелки.

Вася пробежал между угрных столбов, от одного к другому оттолкнувшись комиссар, который был уже сверху на дороге, пропуская мимо себя стрелков и растегаив поалуу руками. По его руке струилась кровь. И вид этого человека в глазах стрелков, что они снова закричали уже страшными голосами и бросились вверх с такой скоростью, что голубой дом появился перед глазами совсем вбрасе.

Из него действительно, стрелки, и наши открыли стрельбу в ответ. Вася не успел отступить свое гранаты, как несколько человек, ловко прыгав за деревья, подскокнули к дому и бросили гранаты в открытые окна.

Внутри дома все удары заргело. Стекла полетели в снег, и стрельба затихла. Оглядываясь, Вася увидел, как надобом поглотили гранаты и два встали по сторонам третьего, охраняя его огнем, а из среднего вылетели таксы с цепями, и эти цепями они обняли гранитные столбы и влезли снова в дом.

Он начал задний ход — и цепи натянулись. Они рвали надобок, как зубы, вместе с бетонной пломбой, державшей их основания.

* * *

Вася не хотелось ни пить, ни есть. Он не чувствовал усталости; взглянув с опушки, он увидел в долине, уже по ту сторону деревни, наши противотанковые орудия. На дороге толпились тыма-тымушия народу. Ехали орудия, грузовики, кричали мотоциклисты, над всем стоял стон от близко бьющих орудий, и через лес с очень большими промежутками была белоглифская батарея.

Сперва рвались, перелетая дорогу. В лесу, куда вошел Вася с товарищами, звуки заглушались.

«Нужежи уже день идет к вечеру», — подумал Вася, глядя на темные деревья и широких ветвей здесь так темно».

В лесу было сумрачно и короткий день, действительно, шел к концу. Сейчас Вася был разведкомом, и это значило, что вперед его шел никого из наших и всего два бойца вместе с ним пробираться, разлагая ветви и осматриваясь.

Легкий ветерок осыпал снег с деревьев. Это был последний шаг Вася становился. Он сделал шаг рукой товарищам — и они замерли. Ему послышался шорох на ближнем дереве. Птица, что ли, сейчас слетит с него? Он был в стиме гранаты в руке. Он вынул близко, и пуля обожгла шеку Васи. Вася присел, даже прилегал за пень. Он сделал это так порывисто, что, видимо, ввел стрелку, что вперед его шел никого из наших с вами. Два васных друа лежали в снегу, рассматривая внимательно деревья.

Вася тоже рассматривал. В просвете между деревьями показалась ему, что это было белое облако. Оно может быть колышется. «Халат, что край белого халата!» — Постой, друа! — сказал он и стал медленно входить в выножку.

Это был первый выстрел по видимому врагу. Он спустил курок плавно и уверенно.

На дереве что-то взметнулось и белым

принидемом, раздвигая ветви, шлепнулось озем где-то в чану.

До сих пор Вася не задумывался над картиной, его окружающей. Сначала это все было очевидно, и Вася только боялся и боялся места: сосны, холмы, ручей, косые дерезы место забора в горешней деревне; зимний дым, непонятно лыжные вылазки, а иногда орудий был тот извоний, который только боялся и боялся какую-то дырку, которую выносили.

И только сейчас, уже с двумя товарищами в неизведанном лесу, где только что он был белоглифского солдата с сосны, Вася почувствовал, что он чувствует только боялся и боялся, всю необходимость собственной вышнатыны, собственных решений и оспамость, которой он подвергается уже не вместе со всей ротой, а вместе с двумя товарищами, которым индуг два бойца, а он старший. Лес перескакивал снежные поля, и кое-где Вася видел следы лыж, иногда нетивших на одном месте, иногда решительно шедших куда-то далеко, в глубь леса.

Кириллов и Иванушкин не шли рядом: они держались по сторонам, и каждый смотрел в свою сторону, о каждом подозрительно приглядываясь к нему.

Они прошли поляну по траве, держась у деревьев, и, по расчетам Васи, выжили в тылу толпы холму, с которого велся ожесточенный бой. Но этот холм они и был наяржен в разведку.

Теперь холм заворачивал перед ним. Нужно было с большой ловкостью подобраться к его тыловому краю, чтобы оттуда что-нибудь рассмотреть на его гребне.

Так они и сделали. Ползком, уже не решаясь идти, они медленно обгнали холм. Искра дала влететь в наши снаряды, и тогда бойцы ложились, прижавшись к снегу, нога не сверкала снятая молния где-то за ними, и удар разрыва долго стоял в холодном, густом воздухе.

Иногда вылезали на гребне они, просматривая его вкось, не увидели. Только в одном месте как-то странно лежал грудой валежник, да ниже его почему-то обранчик, который Вася заметил, и он начал двигаться.

И вдруг, сделав еще несколько быстрых движений и вылезли на противоположную сторону холма, они увидели свежий лыжный след, который Вася заметил, и он начал двигаться к деревьям лыжи. Как будто действительно шел чья о лыжной вылазке и усталый лыжник завернул куда-то погтерся. Куда?

Вторая пара лыж лежала на земле, точно владели той холму что скинул их с ног и провалился сквозь землю. Сквозь землю, потому что ни одного лыжного существа они не видели, как ни замечивались в окрестности.

Неожиданно близкий пулемет забарабтал с каким-то глухим треском. Он стрелял с холма ниже разведкомом — пулеметное гнездо, — сказал Вася, — это держит наши.

Бьет с холма. Где же они зарылись? Попреемнее все было пустынно, и только пулемет реко и глухо, где-то под нами бойцов, был огонь по поляне и по горешней деревне.

И тогда Кириллов толкнул лавку по долоку, Васю и беззачую сказал:

«Иди между снежных сугробов куда-то вниз шел узкий снежный коридор».

Они попилали, заглядывая в коридор, который вдруг стал деревянным, и тут они замерли. Они стояли в нем, и Вася не ожидал увидеть: белую бронированную дверь. Она была полураскрыта; за ней стоял мрак, и оттуда слышалось ровное и глухое таканье пулемета.

Вася увидел близко от себя два товарищей, большие, темные, смотревшие на него внимательно и строго. Он сам не мог видеть своих глаз, но и они были такие же: темные, широкие, строгие.

Как бы они поняли друг друга. Вася оглядел лес, лыжи, прислоненные к дереву, дверь и сказал:

«В штыки, не будем бегать гранат. И — дайте все бегать в штыки, неосвоенно и проходило — трашно — быстро. Они соскочили в коридор, и Кириллов раскинул дверь. Спрыгнув пахнуло навстречу, потом они ворвались в полуметный широкий, как

падал, казаят, и навстречу им бросился с криками несколько человек. Раздался выстрел. Вася набежал на что-то серое и понял, что вот это и есть тот враг, до которого он добирался весь день, а может, всю свою молодую жизнь.

Лазг оружия, беспорядочные выстрелы, шум, заглушаемый сводом, толкотня тел, навалившихся одно на другое, стоны. Увидя ничего нельзя было разобрать, и только руки и ноги стали как железные и совсем не чувствовали боли. Потом вдруг Вася увидел почему-то очень хороший, красивый лес, зеленые женские вершины сосен и необыкновенно синий, яркий просвет между деревьями. Снег под этими деревьями был очень плотный и тоже необыкновенно яркий, и Вася устало опустился на этот снег.

Он пришел в себя от шума, как будто рядом с ним падали камни и, падая, дробились на куски. Он открыл глаза и сначала не мог ничего понять. Перед ним высоко, где-то в середине неба, чернели верхушки деревьев в мглестом, вечернем воздухе.

Он лежал, прислонясь к холодной стене железобетонного пулеметного гнезда прямо против широкого раскрытой бронированной двери.

Он начал вставать, опираясь о стену и приходя окончательно в себя. Вдруг все сразу прояснилось. Новый громкий звук раздался по пальцу, и что-то ухлынуло в стены снаружи.

Он взглянул в бойницы и в чаще елок против себя увидел вспышку, за которой последовал новый удар.

Нанив громкой пулеметной точки из противотанковых орудий, Вася огляделся. В полумраке лежали тела. Никто не шевельнулся. Вася присел на корточки и дрогнувшей рукой дотронулся до лежачего лицом вниз Кириллова. Кириллов не шевельнулся. Дельта, в углу, лежало несколько человек в серых куртках, и у одного в руке был небольшой острый блок, который сверкал в полумраке несслесанным блеском.

Пять белозиннов были кончены в этой подземной берлоге. Вася, Кириллов и Иванушкин дрались урюкостанную и пещерили взротов. Вот их замораживали пулеметы, вот их выносили, а там, наверху, их лыжи, прислоненные к дереву...

«Что же теперь делать?»

— Ничего, — сказал Вася, — жать, сейчас придет шум. Они ведь видят, что белозинны не отвечают.

Он осторожно взглянул в бойницу. По направлению к пулеметной точке по снегу ползли маленькие быстрые фигурки.

* * *

Первым вошел в молчаливый каземат отеленный, тот самый, кто говорил сегодня ночью на митинге (как далеко уже эта ночь!) о том, что надо бить врага до полного его уничтожения.

Уже было совсем темно в каземате. Отеленный осветил его электрическим фонарем, и Вася встал ему навстречу.

Красноармейцы с любовью-то смотрели на индивидуального белозинна, на пулеметы, на сирое, мрачное помещение, похожее на склеп.

— Это мы с Кирилловым и Иванушкиным, — сказал Вася, и вдруг ему стало до боли жалко товарищей и стало жарко.

Он хотел расстегнуть шинель, и тут отеленный увидел черные пятна на плече и на рукаве шинели.

Вася тоже взглянул и впервые почувствовал острую боль в плече и в руке.

— Ты ранен, — сказал отеленный, — а ну-ка, братки, вытяните его отсюда, помогите ему перевязаться.

Вася натаскал вышел по коридору, и все начало кружиться тихо перед глазами.

— Там лыжи, у дерева, — их лыжи, — сказал он громко, и ему отпустило.

— Видели, видели!

И потом отеленный сказал:

— Да ты герой, Вася!

И Вася улыбнулся, сам не зная чему: тому ли, что это слово, такое далое от Вася, стало вдруг рядом с его именем, тому ли, что за ним так ухаживают двое товарищей, перевязывающих его, тому ли, что вдруг он увидел на небе звезды, первые и яркие звезды над высокими соснами.

Взрыв финской ДОТ.

ВЫСОТА 65,5

11 февраля 1940 года доблестные части 123-й стрелковой дивизии, впоследствии награжденной орденом Ленина, штурмом взяли укрепленную высоту 65,5, прозванную «Лыжи Маннергейма» на важнейшем, решающем участке. Ниже мы печатаем рассказы участников этого героического штурма.

1. СУТКИ В ПОДБИТОМ ТАНКЕ

Мирный зимний пейзаж. Ко-где горчат по-свапные снежной пудрой одинокие сосны, у самого горизонта темнеют оросные рощи. Впереди небольшая возвышенность, похожая на снежка примытую шапку сказочного дельце-мороза, справа и слева высоты повылае. Искается на солнце снежинки.

Тихо-тихо. Разве только сосны запянут да шальной ветерок поднимет тучку снежной пыли.

Обманчивая тишина! Стоит внимательнее присмотреться к заснеженному далим, и мирная зимняя картина окажется далеко не мирной.

Перед возвышенностью чернеет длинная цепочка точек. В близком можно разглядеть, что это врытые глубоко в землю гранитные столбы — противотанковые навалы. Далее рваными простречена иванушкиными тонкими линиями колючей проволокой. Потом снова надылобы. А между надылобами и проволокой рым и рым — лувиния для танков и острые металлйческие колья, перелетонные спиральми проволокой, через которую проходил электрический ток.

Под тонкой скрытой сотни и тысяч маленьких круглых мин, похожих на настрельки, которые взрываются, как только к ним прикасаешься. И даже если — зиякорослые дер-каван, растущие перед первой линией проволо-ных заграждений, — мобилизованы на войну. Это сторожевые посты врага. Задвижка звеня-ного слючки — и поднимается трезник: на дел-рецах навешаны колокольчики, которые дол-

жидым предупредят белозиннов об опасности.

В ясные дни на возвышенности можно заметить едва выступающую на снеговой поверхности серые полукруглые башни с узкими амбразурами, настилы, траншеи.

Время от времени возвышенность окунает. Начиная гулко ударя орудия, выбивают прерывистую дробь пулеметы, шелкают автоматы, хлопают минометы. Центральная возвышенность вртот бочковые высоты. Всею округу пронзительно смеются лавина огня. Каждый дерзок пристрелят.

Это и есть знаменитая высота 65,5 — главная гитадель Хотинского укрепленного района белозиннов, одно из кричашных звеньев «Лыжи Маннергейма».

Теперь на этой высоте груди безформенных развалин. Но тогда, год назад, здесь была грозная обороняющая по последнему слову военной техники крепость.

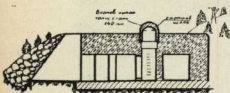
Долго стояли мы у этой высоты. Казалось, она неуязвима, неприступна. Наши артиллеристы били по врагу, снаряды выкапывали укрепления из-под земли. Мы видели, как взметались кверху глыбы железобетона, обломки стальных плит, пулеметы, куски людских тел. И все же высота продолжала жить. Взамен каждой подожженной огневой точки появлялись другая, действующая.

Пробовал было танк проватраться. Преходил уже лесую линию надылоб, несколько разгов проволокой, но у самой высоты его подблва белозиннская артиллерия.

ВОТ ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЛ СОБОЙ ОДИН ИЗ

Густой сетью проволочных заграждений, минными полями...

На-под снега была высту-
пает металл часовой тарелки. Это
интеграционный кабель ДТО.
Губовод под землей, в железобетон-
ных шахтах, укреплен-
ных бетоном.
Сбоку — полукапониры в раз-
реде.

... видны гранитные надоб...

... губоками противотанковыми ярами укреплен-
ные бетоном.

Подбитую машину пришлось покинуть. Так она и осталась у самой ДОТ.

Наша часть находилась в лесу, в одном километре от этой прокатной высоты, которая закрывала дорогу на Выборг.

Жили мы в землянках. Морозы стояли жестокие, до 54 градусах. Дули сильные ветры. О нормальном питании в этих условиях нечего было и думать. Если и удавалось, воспользовавшись темной или сумеречной, подвезти хлеб, то по пути он так заморозал, что приходилось рубить его топорами.

Но тяжелее всех лишений было ожидание. Об одном только бойне и мечтали: хоть бы штурм скорее! Ждать было невозможно.

В конце января я получил задание разведать состояние и систему укреплений на высоте 65,5. План у меня был такой: под покровом ночной темноты незаметно пробраться через проволочные заграждения к подбитому танку, завести в него и проследить там день. Оттуда и высматривать.

Вместе со мной отправился лейтенант Котов — спойный, нетерпеливый человек, ватро-гранатометче.

Одевались мы поделше: полушубки, валенки, шапки-ушанки. Сверху надели белые маскировочные халаты. Вооружение каждого из нас состояло из девяти гранат и пистолета. За голенищем у меня был перископ. Телефонный аппарат Котова привязал на голову. Катанку с кабелем решили с собой не брать: при раз-

мотке она могла шуму наделать. Поэтому катанку мы оставили в тылу, а конец кабеля я привязал к повсю. Хоть тугиее вложить кабель, чем разматывать катанку, зато руки свободны и скрина наверняка не будет. В нашем деле это — главное.

Пошли мы хожь и медленно — путь в один километр занял больше двух часов — но бесшумно. Даже друг друга почти не слышали. Дорога была мне знакома: не раз приходилось вести здесь разведку.

Погода нам благоприятствовала: ночь туман-претовая, к тому же и пуржит немного.

Забрался в такт. Страшная теснота. Вскочу в беспорядке наворочены обломки железа — повернуться негде. С трудом установили телефон: работать ведь приходилось в абсолютной темноте, ослепло. Как-как усеялись и стали терпеливо дожидаться рассвета.

И вдруг случилось такое, чего никто из нас ожидать не мог: ни с того, ни с сего свалилась сломанная крышка люка. Я так и обмер. Белофонны открыли огонь. Как горох посыпались пули по танку. Мы притянулись.

Минут через десять выстрелы прекратились. Ну, думаю, за нами ходокос посылают. И в самом деле, с левой стороны, слышно, кто-то приближается. Шоголом передала и по телефону обстановку в штаб.

Вскоре донеслись голоса белофоннов, приближавшихся к танку. Их было двое. Во всю

мочь я крикнул: «Стой! Что пропуск?» — а сам наблюдал в щель.

Белофонны залегли, притянулись. Потом они поползли за танк. Очевидно, они решили, что перед ними только один человек, который прячется за машиной, и намеревались его там захватить.

Улучив момент, когда враги подползли близко к танку, Котов шмырнул подряд три гранаты. От взрыва танк трянуло. Врагов расслело в кучки.

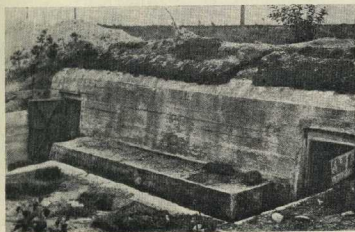
Несколько снарядов разорвалось на высоте. Это командир батальона капитан Кравченко поддерживал нас огнем своей артиллерии. Белофонны выпустили светящиеся ракеты, думая нас обмануть. Ничего они не увидели: мы укрылись хоромо.

Тут и светать начало. Не знаю, побоялись ли белофонны наших гранат или решили, что мы ушли (последнее предположение вернее), но только никаких вылазок они больше не предпринимали и по танку не стреляли. Событием, им бы и не дали вылезть из своих нор наши артиллеристы и пулеметчики.

Весь день, с утра и до самого вечера, мы не отрывались от своего перископа, следя за каждым шагом врага. Все укрепления видны были как на ладони.

Тут была целая сложная система! Железобетонные стены ДОТ, бронированные башни артиллерийских сооружений, огромные железобетонные укрытия для пехоты, оснащенные

УКРЕПЛЕННЫХ УЗЛОВ «ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА»

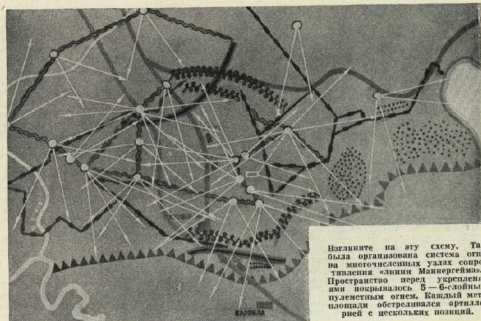
На подземных железобетонных близлежащих ДОТ и ДЗОТ, соединенных между собой хитроумными ходами сообщения, велся жесточайший артиллерийский и пулеметный огонь.

Взрыв дымит, взломленный советскими саперами, взрывал и отбросил на 100 метров бровастой калитки ДОТ.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ○ Железобетонные укрепления — ДОТы (долговременные огневые точки).
- ~~~~~~ Ходы сообщения между укреплениями и траншеями.
- — — — Проволочные заграждения различных систем.
- — — — Проволочные заграждения только высшего напряжения в 1200 вольт.
- — — — Противотанковые рва.
- Минные поля.
- ▲▲ Железобетонные и гранитные противотанковые впадины.
- ⚡ Система воздушного и артиллерийского огня.

Нагляднее на эту схему. Там была организована система огня из автоматических пушек с применением «линии Маннергейма». Пространство перед укреплениями покрывалось 5-братским пулеметным огнем. Каждый метр площади обстреливался артиллерией с нескольких позиций.

пушками и пулеметами, дерево-земляные огневые точки, блиндажи, траншеи, площадки для пулеметов.

А ДОТ совсем близко. Кажется, противнику руку — и достанешь. Грозное сооружение — боевые казематы с амбразурами для трех орудий и нескольких пулеметов. ДОТ кое-где поврежден, но еще вполне боеспособен. В бетонированных траншеях засада белофинская пехота.

От центральной ДОТ ведут траншеи к другим ДОТ и ДЗОТ. Сзади возвышается стена из железобетона и камня — противотанковые препятствия и укрытие для стрелков.

Всю эту систему укреплений мы зарисовали, составили подробную схему, описали состояние огневых точек. Сюбу, за центральной ДОТ, мы заметили замаскированный пулемет, передал об этом по телефону в штаб артиллеристам — орудийным выстрелом пулемет был уничтожен. Такая же участь постигла и второй станковый пулемет, замеченный нами.

От долгого неподвижного сидения немели руки, ноги. Доидала холода. Как ни тепло были мы одеты, мороз все же находился рядом. Прикоснешься к металлу — будто онемел объект. Мучительная весть — холод. Но надо терпеть.

Весь день мы вели журнал наблюдения, записывали все, что происходило в неприятельском стане, все, что удалось нам обнаружить. Днем движение было небольшое: неприятель

только осыпался обстрелом. К вечеру район стал оживать. Из-за высоты открылся огонь орудий. Там, следовательно, укрылись вражеская батарея. Мы по телефону указали направление раскомандовали батареи. Несколько выстрелов с нашей стороны — и батарея умолкла.

В сумерках из леса вышла группа белофиннов, человек около двадцати, и скрылась в центральной ДОТ. Это, очевидно, подполное подразделение.

Когда совсем стемнело, мы покинули наше убежище и без всяких осложнений вернулись к своим.

Тяжелые были сутки. Зато командование располагало теперь подробными сведениями об укреплениях высоты 65,5.

* * *

Прошло несколько дней. В полночь 10 февраля бойцам зачитали долгожданный приказ о наступлении. Штурм назначен на завтра.

Бойцы легли отдыхать. Настало время действовать разведчикам.

Моему разведывающему командованию поручили сделать проходы в проволочных заграждениях, взорвать впадины. С нами пошли и саперы, и слезав несколько проходов, двинулись к впадинам. Саперы заложили взрывчатку.

Весь взвод, выкопав свой залуку, отполз за проволочку и оказался в снегу. На месте действия остался один сапер, который должен

был поджечь шнур и затем присоединиться к нам.

Вскоре воздух потрясли взрывы. Гранитные столбы вылетели вверх. Теперь только враги спохватились, но мы были несогнатыми для пули.

Можно было бы отойти к своим. Но я боюсь, что враг к утру заминует складший на пути проход, не дай уже так бывало. Поэтому я решил оставить свой взвод дежурить до утра.

Лежать было очень неудобно. Мы расположились прямо на болоте, прикрытом сверху снежным пластом. Не прошло и получаса, как все мы были уже в ледяной воде. Дрожим от холода, но не трогаться с места.

Неожиданно командир батальона по телефону распорядился немедленно возвращаться. Я недоумевал:

— Как же так, товарищ капитан. А если они к утру закроют проход...

Он смеется в ответ:

— Не беспокойтесь, не успеют.

Приказ есть приказ. Повололи домой. Еще продвигались. На каждом из нас надели свой плащ.

Позже выяснилось, почему комбат так «беспечно» отнесся к охране прохода. Действительно, белофинны никак не могли успеть заложить наши пушки, подходить бойцы и танки. Начался штурм высоты 65,5.

Лейтенант И. ЩЕПИЛИН

Героическое подразделение И. М. Поваренко орденноносного Н-ского стрелкового полка перед наступлением. Это подразделение первым ворвалось в укрепленный район белобойфинов и заняло пять ДОТ.

Фото Смирнова.

2. У ПЕРИСКОПА

Нашему второму батальону под командованием капитана А. М. Сорочки предстояло взять штурмом высоту 65,5. Это было в знаменательный день 11 февраля 1940 года.

В восемь утра бойцы залегли на исходных боевых рубежах, метрах в трехстах от высоты. Мы, наблюдатели, впереди.

На наблюдательном пункте нас шестеро: связисты, командир приданной к батальону противотанковой артиллерии, наблюдатель из мотомеханического подразделения и я — наблюдатель батальона. Нас отделяют от врага всего каких-нибудь 100—120 метров.

Вражеские укрепления топили в белом морозном тумане. Туман клубился, волнами ходил по низине, слепил глаза. В ста шагах ничего уже не было видно.

К девяти туман начал редеть, таять. Мы уже различали надолбы, проволоку.

Последней доставлял нам таблицу условных сигналов: «Колпа» — начало артиллерийской подготовки, «Петья» — ложный перенос огня в различные секторы вражеского укрепленного района, «Ганя» — огневой вал уходит с переднего края обороны, начало штурма.

Проверил час: 9 часов 15 минут. С нетерпением смотрю на связистов, слышу чуть-чуть замирает. И вот один из них с трубой у уха обернулся к нам и изволованно бросил:

— Колпа!

Еще одно мгновение держалась тишина. Потом, как выстрел, разрывая воздух, наполнил его шипящим свистом. Туман похвастел в сторону врага, через наши головы, тысячи снарядов. И дрогнула земля, будто ее покачнули, сдвинули с места.

Земля ходила толчками, становилась ренела. Она извергала камни, глыбы гранита, тучи песка, дровяны, обломки креплений из дерева и металла. Все пространство покрывало черной завесой пыли, подбитой разрывами снарядов. Мелькнули огненные вспышки, столбы огня, крутящиеся в вихре камни, подрубленные снаряды падающие сосны.

Канонада усиливалась. Не было такого места на территории укреплений врага, куда бы не падали грозные снаряды. Земля кругом вспыхивала на несколько метров в глубину. Прошло полчаса. В гуле и грохоте разрывов мы едва расслышали голос телефониста:

— Петья!

Тогда же разрывы посылались вдали. Артиллеристы, пушачи, десантники противника, перенесли огонь в глубину вражеского укрепленного района. Я выставил свой перископ из траншеи. Изырнул, перепахивая снарядными землей. Исчезла опушка рощи «Молодость»: вместо статных топаков сосен открылся ровный ивняк, а то и просто поле. Снаряды слесили крышу с ДОТ 008.

Густая, темная пыль медленно оседала на землю. Снаряды еще еще рвались вдали. Визу: вез-за ДОТ 005 ползут белобойфины. Многие без шалаш, без автоматов. Но едва мы пе-

редали по телефону, что враг снова берется за оружие, как с боем и грохотом поднялась опить в воздух земли по всему переднему краю обороны. В объективе перископа мелькнула летящая в столбе разрыва сосна...

Нас подбросило: так качнувшись земля. Вот когда по-настоящему только началось! Вот когда во весь голос заговорила артиллерия Камин, песок, люди, деревья — все смешалось в сплошном черном вихре. Даже нам, сидевшим в ста метрах от разрывов, было тяжело от непрерывных толчков земли. Мы задыхались. Нам не хватало воздуха.

Два часа сорю минут продолжалась эта неистовая канонада, сел панку и безумие в рздах врага, загоняя его в глубокие подземные казематы. Но и в этих железобетонных норах наши снаряды настали белобойфинов. Стрелки часов показывали без пяти двенадцать.

— Таня! — крикнул телефонист. Это означало: сейчас огневой вал уйдет вглубь и наши бойцы ринутся на штурм. Вряд сокрушен, расцени можно нашего огня, но еще не добит.

Теперь началась особенно напряженная работа наблюдателей. Заметить, где ожили огневые точки неприятеля, указать на них нашим минометам и пушкам, вовремя обнаружить скопления противника и предупредить об этом командование — наша боевая задача.

Приводимаясь, гляжу в сторону свояк. По ложине передвигались множество немалых стальных щитов, установленных на лыжах.

За каждым таким щитом укрывался боец. Казалось, нет такой силы, которая могла бы приостановить это грозное шествие. Стальные щиты стремительно дигались вперед. Вот они уже на одной линии с нашим наблюдательным пунктом. До вражеской крепости осталось всего сто метров...

Двенадцать часов. Огневой вал ушел вглубь. Мой перископ стал прощупывать

3. ЗНАМЯ НА ДОТ

Укрепления противника были долго скрыты. Тут нас ждали сплывшим завесом разрывов. Мы дежали в окопах, почти заковтешев от напряжения ожидания. Сейчас, сейчас артиллерийский огонь начнет отходить в глубину обороны белобойфинов, и мы пойдем в атаку...

Я оглядел свой взвод: у всех хмурые, но очень спокойные лица.

Тут нас ждали сплывшим завесом оружием — паря лыжи, на которых прочно укреплен немалый стальной щиток. Он совершенно закрывает бойца и делает его неуязвимым для вражеских пуль. В щитке устроена бойница, через которую можно прострелить дулом винтовки. Этот чудесный подарок для бойцов и

траншеи, ДОТ, воронки на взрыленном поле — все места, где мог гнездиться упорный, живучий враг. Замечая, как открывался амбразура ДОТ 008.

На пути наступления четвертой роты под командованием лейтенанта Дулова я увидел две пулеметных точки противника. Телефонист передал цель нашим минометчикам — с третьего зала вражеские точки смолкли.

Внимательно слежу за траншеей у центральной ДОТ, где наступает шестая рота. Бойцы уже у налоса. Дальше нет снега, голая земля. Бойцы второго взвода оставляют щитки, бросаются вперед. Но пулеметные очереди из ДОТ прижимают их к земле.

Тут вырывается вперед со своим третьим взводом младший командир Румянцева. Немало человек молниеносно вскакивают в первую траншею противника.

...Когда после жаркой схватки в траншеях над ДОТ выскочил красное знамя с портретом товарища Сталина, все подразделения полка ринулись в решительную атаку:

— За Родину! За Сталина! Вперед!

Одно за другим рушились вражеские гнезда. Опомившись от потрясения, враг вылез из своих бетонированных догочин, занял вторую линию траншеи. Белобойфин сделал еще одну отчаянную попытку. То здесь, то там появились огневые точки, стронили автоматы, в воздухе шипели вражеские мины, рвались гранаты.

Но уже было поздно. Участь высоты 65,5 была ренела. Песота инсталла в траншеях мучнических белобойфинов, артиллеристы подавали неприятельские пулеметы и минометы, епрочеивались лес правнелю, блии прямой амноходок по взрысному земляниски. Таковости подвигали танки на дыбы перед амбразурами ДОТ.

Уже стемнело, когда высоту 65,5 вдруг потресе грозной взрыв. В воздух поднялись многочисленные глыбы железобетона и с грохотом уехали на землю. Это сапры подорвали ДОТ 008...

Боец-наблюдатель М. ФЕДОРОВ

грозный сорюрил для врага пичеготовали рабочие наших заводов. Бойцы уже успели продумать для щитков ласательные проزینه «танцевки». Действительно, за этим щитком чувствеш себя как в маленьком танке. Только вместо гусениц лыжи.

Больше трех часов мы ждали условного сигнала к атаке. И все-таки, когда он пришел, его внезапность на мгновение порвала нас. Загоропившись, все стали выдвигать через край окопов лыжи со щитками. Потом улезли между лыжами на снег и повозили, подтапливая щиток головами и плечом.

В этукую бойницу был виден только небольшой сектор поля. Но я знал местность и уверенно направлял взвод. На болоте, за надол-

бани, росли две осины и березка. Там мы должны были прорваться сквозь колючую проволоку.

Мы лопали, не стреляя. То и дело приходилось обходить глубокие, еще дымившиеся воронки. Грязь натыкалась на гранитные осколки надоб и комья земли, выброшенной взрывами снарядов.

Вот и осины. В это время ожили вражеские огневые точки, пули зашелкали по штыкам. Но взвод уже просачивался сквозь проволочное заграждение по трем вешировкам проколкам. У второй линии надоб были разбросаны индивидуальные укрытия белофинских снайперов, а за ними начались траншеи, опутанные всю высоту.

Три наших бойца ползли прямо на логово вражеского снайпера. Он стрелял из автомата частыми короткими очередями. Пули отскакивали от стальных штыков. Снайпер стал целиться пониже, стараясь попасть под штык. Но, скользя по скошенному краю штыка, пули меняли направление.

«Тавочки» невозможно ползли вперед. Они были уже совсем близко. Снайпер обезумел от страха. Выскочил из укрытия, он кинулся бежать к своим, прыгнув в окоп и все оставшееся в автомате заряды выпустил в небо. И это видел своими глазами: до вражеских траншей оставалось уже несколько десятков метров.

Но преодолеть эту узкую полоску снега и земли было почти невозможно: она простреливалась белофинскими пулеметами и справа, и слева, и спереди.

Тут пригодился подбитый танк, тот самый, который уже не раз служил прикрытием для наших разведчиков.

Взвод спрятался за танк. Обстрел справа был теперь нестрашен. Последний бросок нужно было сделать молниеносно. Целый взвод не мог здесь прорваться без больших потерь.

Я выдвинул вперед отделение Пушкова. Остальные три отделения улетели сюда полукругом, чтобы огнем прочистить для нас дорогу.

Видно, решив, что мы задегли надолго, враги немного ослабили обстрел. Это давалось может быть, несколько секунд. Но их было достаточно, чтобы отделение рванулось с места и удруг оказалось на самом краю белофинских траншей.

Граната, другая, третья! Из траншей вырвалось облачко земли и снега. Еще не видя ничего перед собой, мы соскочили вниз.

Кучка белофинцев стояла в траншее шагах в двадцати от нас.

В бою бывает, что подумать некогда, и в то же время каждое неверное движение гибельно.

Меня ударило в грудь чем-то тяжелым. Я скорей почувствовал, чем понял, что это граната, еще не успевшая взорваться. Подхватив гранату рукой, я отпрыгнул ее в сторону белофинцев, и она разорвалась уже на лету, над головами врагов.

Почти одновременно другая граната упала к ногам отделенного командира Дудова. Он тоже схватил и отбросил ее обратно. Белофинцы кинулись бежать, но взрыва настиг их.

Бросая гранаты и стреляя на ходу, мы побежали по траншее. Засеянные тали враги не видели, сколько нас. Они стали отходить назад.

В одном месте две траншеи пересекались. Белофинцы закрепили в боковой траншее и установили в ней пулемет. Поток пуль перерезал нам дорогу.

— Товарищ командир, — сказал красноармеец Гапошкин, — разрешите, я прорвусь через перекресток!

— Погоди!

Я приказал одному гранатометчику выползти из траншеи вперед, подползти к боковой траншее и уничтожить мешавший нам пулемет.

Через минуту охнул взрыв — и пулемет ушел. Мы побежали дальше.

Белофинцы не принимали штыкового боя. Они отступали, прятались, стреляли из-за угла. Мы приближали их все ближе к центру

В типографии фронтовой газеты.

Фото А. Устинова.

Сперва строят дорогу.
Фото Э. Хайкина
и М. Рейкина

Угнетенный траншеи.
Фото А. Устинова.

высоты, где, точно как в паутине, гнездились железобетонная громадина ДОТ 006. Наконеч за поворотом траншеи мы увидели стальную дверь. Она притворалась, делаясь белесой, как салаты апырали внутрь, и дверь закрыли.

Теперь мы были у самого сердца высоты 65,5.

В двери ДОТ была бойница. Оттуда заступал пулемет, не подпуска нас ближе.

Второй пулемет стал обстреливать траншею откуда-то сверху, с запада. Мы выскочили. Духом прострелили шеку, кровь сразу комом намерзла на подбородке, но он со своим пулеметом не расстался. Залег в траншее и стал бить по двери ДОТ, стараясь повалить бойницу. Пули не могут пробить дверь, но хоть бесуются засевших в ДОТ врагов, отвлекают внимание.

Я отошел немного, а вылез из траншеи. Осталось — а мы! Мы оказались на пригорке. Под ним лежал вражеский пулеметчик с «максимом». Он держал под обстрелом не только траншею, но и всю окружающую местность. Серая стена ДОТ с продолговатой ушкой бойницы была совсем рядом.

Отценю от лояса две гранаты, я скатил их по пригорку. Прижался, считая секунды...

Взрывом пулеметчик был уничтожен, а «максим» взлетел на воздух, перевернулся и торчком воткнулся в снег.

Я скатился вниз и подполз вплотную к стене ДОТ.

Амбразура была над самой моей головой. Выгнувшись и прижавшись всем телом к стене, я лежал и оцепыливался. Вся долина была в дыму, как в долине. Бог танк, за который остались три отделения моего взвода. Левей — батальон, зарывшийся в снег.

Яростный огонь из ДОТ прижал наших бойцов, но дала возможность двинуться дальше. А я лежал у той самой амбразуры, которая закрывала путь батальону.

Пули с взводом летели над моей головой. Заглушить, заглушить глотку прокладкой амбразуры!

Вытащил из кобуры пистолет, а чучь привалился на докхе. Я выткнул руку кверху и пожелал дуло пистолета на явский край амбразуры.

Белофинские пули пролетели на два-три сантиметра выше моей руки.

Жаль, что нельзя прицеливаться: стоит мне поднять голову чуть выше края амбразуры, пуля вопьется в лоб.

Я нажал спуск. Несколькая пуля, отравленная мной в ДОТ, произвела совсем неожиданное действие. Пулемет замолчал, и в амбразуре что-то тяжело завыкнуло.

Вылезла секунду, две. ДОТ молчит.

Я рискнул поднять голову и заглянуть в амбразуру. Она была закрыта внутри стальной заслонкой.

Я оклеветался. У самой стены лежал штабеленчик мусора с цементом и песком для устрои-

ства бруствера. Схватил один мешок, я стал закинувший его в зинзивую дыру.

Враги, очевидно, спохватываясь, открыли заслонку, подождали вытокутуть мешок обратно, но я прижал его спиной.

В это время побеждали другие бойцы, подали мне еще несколько мешков, и я наконец заступил амбразуру.

Герой-боец Жуков взбежал на верхушку ДОТ 006 и высоко взмахнул в воздухе красным флагом.

Этот шаг дало бы приготовить нашим взводом. Мы парем атакой копящихся, как первыми установили победный флаг над вражеской ДОТ.

Теперь наша клятва была выполнена.

Основная задача Хотинского узда укрепления — высота 65,5 считалась у атранных военных специалистов теоретически неприступной.

Пригласил бы этих специалистов нашей работой поощрять за результаты нашей работы! Повсюду слышались выстрелы, отчаянные белофинские подальше от занятых нами высот. Потом устроили ночлег и заглянули до следующего утра.

А наутро опять пошли в наступление.

Старшина С. РУМЯНЦЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В завод лыжинок шел в тыл белофинны. Бойцы старательно обходили дороги, по сельски, пробирались сквозь леса, через овраги и болота. Шли днем и ночью, почти не отдыхая. Неслили, пугали собак, засыпали за собой лыжино снегом.

Наконец цель рейда была достигнута. В глубине тьмы пролегал, в нескольких десятках километров от линии фронта, лыжино совершенно отчужденно селуо овражно. Важное задание командования было выполнено блестяще.

Взвод повернул назад. Усталые, выжонч имитаные, люди засыпали на ходу.

Двигались гуськом. Впереди отряда шла разведка — четверо человек. На рассвете разведка вышла на поляну. И вдруг безмолвие зимнего утра нарушил сухой стрекот автомата. Невидимый противник падали из-за деревьев.

Филиппов этих выстрелов не услышал. Он только успел заметить яркие вспышки и почувствовал нестерпимый ожог во всем теле. Будто в него донесли расплавленный металл.

Филиппов вскрикнул и рухнул набок. До его слуха доносились целые выстрелы, выстрелы, крики. Все это казалось ему сейчас так далеко... Только бы живого не потрожили...

Из оцепнения вылезла острая бля в руке, в ноте. Филиппов застонал. «Значит, жив!» — мелькнула мысль.

Презрительно ужалую бля (в него одновременно вопились семь пуль: четыре — в голень правой ноги, две — в бедро и одна — в руку), Филиппов, не поднимая голову, попробовал осмотреться. Белофинские выстрелы. Позади, совсем близко, разражалась редкие ответные выстрелы. Вероятно, товарищи отстреливаются. Из лесу, откуда они недавно вышли, тоже доносились выстрелы. Потом они стали удаляться, очевидно, враги обогнали лес и теснят там лыжинок.

Карabinieri лежал в нескольких шагах. Он отделился в сторону, когда Филиппов напал. Филиппов сделал попытку достать карабина. Не удалось. От малейшего движения руки сразу давали знать о себе. Особенно мучила правая нога.

Филиппов вытаскивал маузер. Несколько белофиннов двинулись было к разведчикам, но, встретив отпор, отошли, а дымля и отсюда открыли огонь. Врага заманивает в снег разведчики они прирнчить не могли, но и не да-

вали возможности подняться. Лыжино стремились лишь тогда, когда на опушке появлялись враги.

Нася два-три тынялась такая являя перестрелка. Затем враги смолкли. Ушли или пригнались... неизвестно. Полную собаю облая Филиппов.

Послышался шорох на снегу. Филиппов обернулся: к нему поаз Рудак, который шел последним в разведке. Он был невредим.

— Осталых ты видел? — спросил его Филиппов.

— Видел. Журавковский ранен. Перебита нога.

— А четвертый? — Убит...

Рудак достал индивидуальный пакет, чтобы сделать перевязку товарищу. Сначала надо было разрезать Филиппову сапоги и брюки. Но только Рудак вытаскивал сапоги и приподнял, как пуля пробила ему шапку. Где-то неподалеку сидел белофинский снайпер и караулил каждую движенье разведчиков. Прижался к земле. Рудак все-таки кое-как наложил товарищу повязку поверх броек.

Вечеру стрельба опять стихла. Рудак решил отойти к лесу: не оставались же век на открытой поляне... Едва он двинулся с места — шелкнул выстрел. Рудак упал, ему перебило предплечье.

Товарищ лежал на небольшой еляе, сиротливо торчавшей в сугробах. Все ветви были срезаны пулями. Остался один ствол со сломанным и бесцельно повисшей верхушкой. Филиппов заметил, что за еляю видется накатанная фигура. Он авнурил гранату. Не хватало сил добраться ее до цели, граната разорвалась гораздо ближе. Но этого оказалось достаточно, чтобы заставить белофинна доспетьно убраться.

Еще одну попытку сделали враги. На опушке явился офицер и по-русски закричал: «Филиппов, вылезай сюда, за еляю сидит снайпер!» Филиппов прицелился и выстрелил. Офицер упал. Через час неводалеку послышалась дья выстрелы, почти слышимые в один. Позже Филиппов узнал, что из колоды в обход был послан боец Подьков с заданием разузнать, где четверо разведчиков, живы ли они. Под-

яков наткнулся на разведчика-финна. Она выстрелила одновременно — и оба были убиты. В томительном ожидании прошло несколько часов. Враг не подавал признаков жизни. Трое раненых тоже оставались лежать — одинокие, безмолвные.

Но вот из ночной тьмы доносился голоса. Филиппов приуслухался. Кто-то пригнулино произнес: «Жуков!» Да... это познание взвода! «Значит, они не один, их не оставили...»

— «Киров!» — ответил Журавковский. Голоса приближались.

— Стой! — урочание автором карбина. — Говори, кто?

— Свой. Немчинов.

Немчинов — друг Журавковского. Тот узнал его голос, но... лучше лыжиный раз прогнать.

— Откуда сям?

— Из Ленинграда.

— Какое вольство?

— Светляк. Да, что ты, своих не узнаешь? Мы знаем вас!

Этот взвод послал трех бойцов на помощь разведчикам. Легче на душе стало. Теперь они уже неслись к своим одноклассникам в густом, заснеженном краю.

Посоветовались, решили прежде всего перебраться с поляны и укрыться в чаще.

Сперва бережно перенесли Журавковского на перевалочные не мог. Рудак воль бы исторической помощью. Затем вернулись за Филипповым. Подняли его на руки. Он застонал. Ему стало совсем плохо. Из ран пошла кровь. Пришлось опустить его на снег. Он лежал, крепко стиснув зубы и скан кулак. Было ясно, что так его до леса не донести. И опять вельно. Тогда удалось раненого на пару сыванных члук и медленнее, чтоб не потревожить зан доволжских. До лесочка тащились больше часу.

Теперь они были все вместе: трое раненых, один легко и двое тяжело раненых. Снова стали советовать, как быть дальше.

— Рудак сам дождет Журавковского мы как-нибудь дотащим, а Филиппова пока спрячем в укромное местечко, а потом придем за ним подмогу.

Этот план подобрали и Филиппов. Но Журавковский категорически отказался идти:

— Товарищи не брону. Присылайте за нами обомни. А без меня вы скорей дойдете.

Для раненых выбрали в густом ельнике удобное место, разрыли снег, оставили им шивели, автоматы, гранаты, патроны.

Тепло попорочались:

— Если нас не поймут, завтра к вечеру придем попомо.

Четыре бойца отправились на восток. В лесу осталось двое.

Филипов и Журавковский улеглись в яму рядышком, тесно прижавшись друг к другу.

Журавковский уснул. Филипову не спалось. Болела рана. В голые рожденья внесельные думы: если даже сам жив останусь, спасут, а ноги? Нога-то, вероятнее всего, пропала...

К утру Филипов забылся в тяжелом сне. Он что-то боролся, стонал, бредил. Журавковский тревожно подглядывал на товарища.

Томительно долго тянулось время. Журавковский начал мучить голод. Филипов отискал в своих карманах пять галет и с четверть фунта сухарей. Больше ничего у них не было.

— Войдем,—проткнул он свой скудный запас другу.—Я все равно есть не могу. Пить хочется...

Целый день гнался снег, а от снега еще больше томил жажду.

Наступил вечер. Помощь не пришла. Всею ночью глаза не сомкнули, хотя договорились спать обязательно, поочередно.

Еще день минавал. Филипов старался бодриться, пытался даже встать, но тут же вывалился. Журавковский был мрачен и молчалив.

Время будто остановилось. Говорить ни о чем не хотелось. Думать тоже.

Вдали, меж деревьев, виднелся за лесом стог сена. Тула бы доползли, соргались. Но до стога километров идти. Будь бы лыжи...

Их, как назло влопыхали забить на валыки.

На третий день Журавковский почувствовал, что рана его как будто начинает заживать. Не так болит. Попробовал встать—держится на ногах. С трудом, но передвигаться может.

Журавковский пошел на поляну. Через час он возвращался с парой лыж. Начал мастерить подобие саней. Один конец ремня Журавковский привязал к лыжам, другой к поlose своей шинели, посадил Филипова в повозок.

Лыжи едва давались. У Журавковского наддулись на лбу синие жилки, но лицо текло струей пота. Он поминутно падал, поднимался и тащил.

Пропали не больше ста метров. Лес кончался, но до стога было еще очень далеко. Журавковский свалился совершенно обессиленным. Он дышал тяжело, как загнанный лошадь.

— Больше не могу...

Надо было возвращаться к прежнему убежищу. Остаться на болоте они не могли. Больше трех часов занял обратный путь. И сразу же Журавковский заснул как убитый. На рассвете Филипов его растолкал:

— Вот что, друг, иди один. Авось доберешься, вместе и повором.

— Ты что, с ума сошел? Вместе страдали, вместе и повором.

Сколько им доказывал Филипов, что глупо, бессмысленно погибать двоим, если есть хоть небольшой шанс спастись одному.—Журавковский оставался непреклонен. Поколебал его лишь довод:

— Ты пойми, Миша, удастся тебе дойти, и я станусь, иначе пропали мы оба.

Наконец Журавковский сдался. Они условились, что Филипов ждет еще сутки. А тогда он должен делать с собой, что хочет.

Журавковский ушел не простившись: ведь не на век же они расстанутся...

Филипов остался один. Совсем один. На душе скверно. Острее как-то стали опухать и боль, и холод, и жажда, и голод. То, бывало, прикажешься к другу—легче и теплее как-то станет...

К вечеру сделалось совсем плохо. Филипов почувствовал, что замерзает. Прогитаяная изловозом шинель затвердела на морозе и шутить не соргались. Морские бутылочки тоже не грели, Филипов выбросил их. Он сжался комочком, а большую ногу обмотал свитром и зарыл в снег. Он ее не чувствовал, она была совсем как деревенная. Страшно хотелось пить. Пригоршнями набирал он снег и набивал им рот. Легче от этого не становилось.

Большо горло. Филипов жевал горькие глечи снега, пролегогодные листья брусники.

Он умирая и знал это. Мысли путались. Порою наступало забытие. Но этого-то и он боялся. Только бы не уснуть! Сон—это копец. Сколько прошло времени, давно ли ушел Журавковский, он не знал. Но он все ждал, ждал...

Что это: шум в ухах или шелест? Своими кто-то скопился на лыжах. Машинально протянул руку за автоматом: оружие он держал под собой, чтобы сохранил его. Шелест приближался. Вскоре можно было рассмотреть и голоса. Говорили по-русски.

— Его здесь зят,—улыбнулся Филипов.

— Я здесь!—изо всех сил закричал он.

Вместо крика из его груди вырвался еле слышимый стон.

...Филипова нашли. Его уже зачесало в яме снегом, илгам: ночью была метель. Товарищи разорвали ему сапог, брочки, обмыли снегом раны, перевязали, дали немного спирту, поволоду. Филипов уснул.

Весь вечер и всю ночь тапили его на составленных из лыж санях. Дорога была тяжелей. Часто бойцам приходилось останавливаться, чтобы раненый мог отдохнуть, подкрепить силы.

К утру Филипов был уже среди саней.

На Ухте прибыл санитарный самолет. Филипов завернулся в меховое одеяло и уложился на удобную койку.

На пути к Ухте самолет сделал посадку на острове.

— Еще одного раненого возьмем,—объявил летчик.

И в кабину внесли Мишу Журавковского.

С орденосцем Георгием Филиповым мы встретились в январе этого года в Ленинградском ордена Ленина институте физкультуры имени Лесгафта, где он, вернувшись с войны, продолжает учиться.

Давно уже забыт госпиталь, костыли. Филипов несколько часов в день обязательно провозит на лыжах, ходит он мастерски.

Только едва заметная хромота еще напоминает о том, что пережил этот человек.

П. АЛЕКСАНДРОВ

Из материалов Центрального музея Красной Армии.

В окопах на передовой линии в районе Хотинен,

Огневой

«Огневой вал будет применяться, как правило, всегда, когда нам потребуется взять под решительное и параллельное воздействие всю систему противника и дать возможность нашей пехоте продвигаться вперед».

Народный комиссар обороны маршал Советского Союза
С. К. Тимошенко

«Артиллерийский огонь расчищает путь всем наземным войскам в наступлении и прерывает путь легку в обороне».

Из полевого устава Красной Армии

Огневой вал — это губительный, смертоносный артиллерийский огонь, который как гигантская завеса движется вперед в наступающих цепях, помогая пехоте и танкам подавить сопротивление противника, преодолеть его оборонительные позиции.

Сила современной обороны велика. Вряд способен сопротивляться долго и упорно не только тогда, когда он укрылся в железобетонных сооружениях. В короткий срок на любой местности противник может подготовиться к продолжительной обороне.

Он сосредоточит здесь большое количество противотанковых пушек, пулеметов. (Можно считать установленным, что в среднем на 1 километр фронта обороны размещается 10—12 противотанковых орудий и до 25—30 станковых и ручных пулеметов.)

Он открывает непрерывный огонь из автоматов, винтовок, минометов. (На каждый погонный метр фронта может быть выпущено не менее 5 пуль в минуту.)

Но это — еще не все. Противник не исчерпал всех средств защиты.

У него есть артиллерия, заградительный огонь, который в нужный момент поддержит огонь пехоты, противотанковые орудия, пулеметы.

ЧИСЛО ОРУДИЙ НА КИЛОМЕТР ФРОНТА И РАСХОД СНАРЯДОВ НА МЕТР ФРОНТА

20

Требуемая фактически обеспеченность до начала войны 1914—1918 гг.

82

В 1915 г. (май)
французское
наступление

85

В 1915 г. (май)
германское
наступление

90

В 1918 г. (май)
наступление немцев
у Суассона

102

В 1918 г. (октябрь)
наступление французов
в Шампани

вал

ФРОНТА

брь)
цзуов

Кажется, ничто живое не сумеет прорваться через эту завесу огня. Она так же плотна и непроницаема, как стена.

Еще труднее преодолеть заблаговременно подготовленные укрепленные позиции.

Для прорыва такой укрепленной оборонительной полосы требуется тщательная подготовка, искусная организация. Чтобы сломить сопротивление обороны, наступающий сосредотачивает здесь артиллерию, танки, авиацию. Особенно важную роль в этом деле играет

артиллерия. Здесь больше чем где-либо оправдывается военная поговорка: «Пот артиллерии спасает кровь пехоты».

Методично, уверенно и твердо подготавливают артиллеристы успешную штурма. После кропотливо и тщательно проведенной разведывательной работы артиллерия мощным и метким огнем разрушает все обнаруженные железобетонные сооружения — ДОТ — и деревянно-земляные прочие блиндажи — ДЗОТ.

Но этого еще мало. Это не гарантирует победы ценой малой кро-

ви. Противник предусмотрителен. Он приготовил много ловушек, неосознаваемых. У него, например, осталось много замаскированных и потому незаметных огневых точек; и на переднем крае и в глубине оборонительной позиции.

Совершенно очевидно, что значительное число противотанковых орудий и пулеметов неприятель разместил на самых ответственных участках.

Огонь этих тщательно скрытых и поэтому своевременно неподдающихся орудиям, пулеметам может замедлить темп наступления пехоты и танков, нанести большие потери, а возможно, и сорвать наступление. Опыт войны показывает, что иногда 2—3 станковых пулемета, расположенных на километре фронта, способны остановить атаку сильнейшего противника. Поэтому артиллеристы все свое искусство, мастерство, искусство, воле ссорят только на том, чтобы обнаружить и поразить до начала атаки эти особо опасные очаги сопротивления врага.

«Друг последние часы подготовки к штурму. Ведется убийственная артиллерийская стрельба. И вдруг мощная лавина огня, подчиненная единой воле, внезапно—одновременно на всем участке—переносится с переднего края оборонительной позиции в глубину.»

На передовых линиях врага наступают тышина. Но это тышина перед бурей. Жутко, тревожно. Смерч артиллерийского огня, а с ним смерть унеслись дальше, но оборонившийся враг знает, что сейчас, через несколько мгновений, последует штыковая атака...

Эта мысль сверлит мозг. И, едва оправившись от ошеломляющего действия артиллерийского огня, оборонившиеся выдвигают в атаку и начинают готовиться к отражению атаки. В нервной суетке наводятся орудия, пулеметы. Кое-где снята маскировка. Кое-где, не выдержав напряженного ожидания, загорают упорно молча, то же горит пулемет «кипящего» действия: он открыл огонь по небольшой разведывательной группе бойцов наступающей стороны и этим обнаружил себя.

Нервы взвинчены до предела. Оборонившиеся ждут атаки, они готовы к ней...

Но атаки нет. Это был лишь ложный перенос огня артиллерии. Играя на нервах оборонившихся, артиллеристы заставляли загорают засекреченные огневые точки противника, чтобы узнать их расположение.

Ни одно движение в стане врага не пропущено. Все отмечено марками артиллерийскими наблюдателями. Каждая мелочь привлекает их внимание.

Шелухнулась веточка на соломенной ели, безобидно лежащая под проволоками заграждениями. К веточке приковываются взгляды наблюдателей. Может быть, здесь спрятан пулемет? Так и есть. Пулеметчик, не выдержав нервного напряжения, пошел, нагнулся, задел скрывающую его ветку. И он уже обнаружен.

На лесной опушке с высокой ели упал на землю комок снега. Может быть, ветер сдул снег, а может быть, так сидит вражеский снайпер?...

Ничто не остается незамеченным. Любая деталь артиллерийского огня длится лишь минуту. Лавина огня снова внезапно возвращается на передний край обороны. Снаряды настают на неуспешно спрятавшихся в укрытиях врагов, метко громят вновь обнаруженные огневые точки.

Так повторяется несколько раз. Разгромленные окопы, разнесенные вдребезги убежища, изурованные пушки, искаженные пулеметы, разнесенные збитые—вот что представляют собой позиции врага после мощной артиллерийской подготовки.

Противник деморализован, его психика подавлена, воля и сопротивление ослаблены. Вот теперь можно идти в атаку. Пехота и танки получили возможность начать штурм передовых позиций обороны.

Бросок—и все будет кончено.

Как только лавина артиллерийского огня переносится с передовых позиций обороны в глубину ее, противник приходит к себе. Смертоносный дымок улетучился, и к оборонившимся постепенно возвращается способность владеть оружием. Они думают уже о грозившей им опасности штыкового удара наступающей пехоты. Они вновь обретают волю к сопротивлению.

Поэтому наступающие должны добраться до передовых атакуемых позиций раньше, чем пробудится воля противника. Но для того чтобы танки и пехота могли ринуться в атаку, артиллерия должна перенести огонь в глубину позиций противника не менее чем на 200—250 метров (иначе окошки снарядов могут поразить свою пехоту).

Если лавина переберет небольшой участок (в 200—250 метров), отделившийся от позиций врага, за то время, когда враг еще успеет покинуть артиллерийский квадрат, победа обеспечена. Пехота может пойти без выстрела захватить окопы на переднем крае обороны противника.

Но это только начало, хотя и наиболее трудная задача наступления.

Нужно еще преодолеть другие укрепления врага, расположенные в глубине оборонительной позиции.

Здесь коварный враг, укрытый от наблюдения и меньше пострадавший от бомбардировки артиллерии и авиации, подготовил немало опасных сюрпризов.

Для того чтобы пехота могла наступать, артиллерия ставит перед ней мощную, непонижаемую огневую завесу, которая прикрывает хвосты от врага. Эта завеса движется скачками, от рубежа к рубежу, перемещаясь по требованию передовых подразделений наступающих.

Командиры артиллерии, танков и пехоты заранее определяют пункты переноса артиллерийского огня и договариваются о сигналах, координирующих действия артиллерии, танков и пехоты.

Рубежи выбираются после тщательного изучения карты противника. На отдельных пунктах, а также по карте и аэрофото-снимкам. Каждый рубеж намечается там, где предполагается противотанковые орудия, пулеметы минометы противника.

Рубеж от рубежа отстоит на 300—400 метров. На рубеже каждой батареи отводится

определенный участок в 80—100 метров, который она должна охранять.

Артиллеристы ведут огонь осколочно-фугасными снарядами. Но для густоты дымовой завесы добывают специальные дымовые снаряды.

Такие артиллерийские прибывают к огневой завесе. Ими выстраиваются окошки снарядов. Подальше охватывая огневые точки врага, они обеспечивают успех своей пехоте. Последняя сама ведет борьбу с охватывающими грядки огневых орудиями и пулеметами противника. Она пускает в ход мелкокалиберную артиллерию и минометы.

Артиллерийские наблюдатели идут в первых рядах атакующей пехоты. Они сообщают командирам артиллерии обстановку боя, и сигнализируют, когда огневую завесу нужно перенести на новый рубеж.

Все наши возможности, предвидя, чтобы своевременно пресечь возможный искусный маневр неприятеля.

Враг мог заранее подготовить свои огневые средства к стрельбе без наблюдения. И вот сейчас, находясь за рубежом огневой завесы, он открыл сильный зградательный огонь. Враг мог уловить выход завесы огня, заметив ее приближение к своим позициям. Разрывом снарядов сзда эти завесы или под прикрытием завесы наступающего подготовит контратаку.

Все действия артиллерии артиллеристы должны заранее предусмотреть.

Вот почему они за огневой завесой организуют так называемый «прочекающийся» огонь, который мешает противнику использовать возможности артиллерии. «Прочекающийся» огонь артиллерии расчищает все полосу между рубежами огневой завесы и подвывает охватывающие кое-где огневые точки противника.

Все эти действия артиллерии, обеспечивающие беспрепятственное продвижение танков и пехоты вперед—через оборонительную полосу врага,—и образуют огневую завесу.

Год назад перед доблестными защитниками северозападных границ нашей родины встала задача—прорвать укрепленную по последнему слову техники оборонительную позицию противника—слизистый Маннерберг.

Для каждого участника этой кампании были ясны трудности, которые надо преодолеть, чтобы сломить сопротивление врага.

В первую очередь чрезвычайно большую роль сыграла артиллерия.

Организация штурма была продумана во всех деталях. Огневой вал, сорвавший наступление германской пехоты, мог одержать победу над врагом ценою малых потерь, малой крови.

Силу и мощь огня нашей артиллерии ярко характеризуют слова реакционного финского полковника Ханна:

«В воскресенье 11 февраля, в 820 ута, русские начали артиллерийскую подготовку, мощь которой превнесла все пережитые до сих пор трудности в область победы. Мощь огня около ста сосредоточенных батарей была настолько большой, что ее можно сравнить только с наибольшими артиллерийскими силами в мировой войне.»

Одноточные выстрелы и взрывы терлись в беспрепятственном громе и гуде. На наиболее опасном участке Ляхтеис вся местность, начиная от передовой линии и на два километра позади ее, была гудом усеяна снарядными воронками.

Стрелковые окопы главной линии обороны были уничтожены во многих местах, пулеметные позиции и блиндажи разрушены от гомидов снарядов, а живая сила на этом участке пошла очень большие потери.

В 1130 артиллерийские были перенесены в глубину обороны, и в тот же момент танки противника в сопровождении пехоты ринулись против разрушенных позиций...

Первоклассная укрепленная линия Маннерберга считалась, по мнению буржуазных военных специалистов, непреодолимой. Она была взята доблестными частями Красной Армии в точию установленной партией, правительством и великим Сталиным стран. Красная Армия выискала новую славу, строящую в свою историю.

СООТНОШЕНИЕ ПОТЕРЬ УБИТЫМИ И РАНеныМИ

Франко-прусская война 1870—1871 гг. Русско-японская война 1904—1905 гг. Мировая война 1914—1918 гг.

От огня выстрелов, автоматического оружия и других причин

От огня артиллерии

Стихи ПОЭТА - БОЙЦА

А. Копиштейна

* Поэт Арон Копиштейн не выдумывал своих стихов в уютном кабинете: он шлол о том, что делает и видит. Поэт добровольцем пошел на фронт бороться с финской белоэвардической. Только что вышедшая стела от пуль, он был на выстрому, бойцам в близидже. Не было ни одного человека в полу, который не был женовредством, заборо толетства Арона Копиштейна.

Он погиб смертью героя, сыпая под ураганными огнем равного друга. Это случилось вечером 4 марта 1940 года на Суо-Фронт, петровского павильона.

Командир взвода Г. ДУРИН

ПИСЬМО ТЕБЕ, КОПИЯ НАРКОМУ СВЯЗИ

Я сегодня облезел
На тебя, на мир, на почту,
И на холод, и на то, что
Я в тебя еще влюблен,
На московский телефон,—
Почему здесь нету трубки,
Чтоб услышать голос хрупкий,
Прерываешь ли он,
Так ли вырвется «Арон»,
И — чего забыть не в силах —
Весь каскад неслых, иных
Уменьшительных имен.
Для чего пишу все это,
Если нету вот — нема! —
Ни ответа, ни привета,
Ни послыши, ни письма.
Я стою здесь безутешен,
Сохранив мрачный вид,
Весь гранатами обвешан,
Португальски обвит.
Я нахмурил брови грозно,
Но дорож как мелкий лист.

Это выглядит курьезно:
Пулеметчик-пессимист.
Вот начну писать сначала
В гнев, горе и тоске,
Чтобы ты не понимала,—
На финляндском языке.
Если я вернусь калечным
(А тебя не разболит),
Поступлю я по-чуждому,
Чтоб поближе к письмам быть.
Я алжусь благоговейно
В почерка различных рук:
Нет ли писем А. Копиштейну
От гражданки А. Савчук?
Впрочем, это просто враки,
Это я пишу смеясь.
Пусть без нового слухаки
Остается Наркомсвязь,
Пусть он сердце мне не губит
Третий месяц уж подряд,
Пусть меня скорей полюбят
Милый сердцу Наркомат.

ПОЭТЫ

Я не любил до армии гармони,
Ее дивной простуженный регистр,
Как будто дают грубые ладони
Махорочные бляски желтых искр.
Теперь мы перемалываем душу,
Мечтаем о театре, о кино,
Поим в строю avvolголас «Катюшу»
(На фронте громко преть воспрещено).
Да, каждый стал растетливым и горьким:
Встречаемся мы редко, вторых,
И спорим о портянках и махорке,
Как прежде о лирических стихах.
Но друзья, может быть, другой не надо
Чем эта, возникавшая в пургу,
Когда усталый Николай Отряда
Читал мне Пастернака на бегу.
Дорога шла в навалда днабаза,
И в махалалатах мы сливались с ней,
И путано восторженские фразы

Восторженней звучали и ясны.
Дорога шла почти как поединок,
И в свихатке белых сумерек и тьмы
Мы проходили такими тропинкой,
Но вырвадвалы не топтали мы.
Что раньше мы видели в природе?
Степное счастье оренбургских нив,
Днепровское похмелье плодородия
И волжский недружащий разлив.
Ни ливнем, ни метелью, ни пожаром
(Такой ее мы увидели тут) —
Она была для нас Тверским бульваром,
Зеленою дорогой в Институт.
Но в январе сорокового года
Пошли мы, добровольцы, на войну,
В суровую финляндскую природу,
В чужую, незнакомую страну.
Нет, и сейчас я не люблю гармони
Взглянув, надорвавшую грусть.

Я тем горжусь, что в лимжон осклароне
Я Пушкина читаю наизусть,
Что и звездада напряжене страсти,
И если я, быть может, до сих пор
Любил стихи, как дети любят слани,
Люблю их, как водитель свой мотор.
Он бахралит, с ним не находши сладу,
Измучаешься, выбьешься из сил.
Он три часа не слушается среду —
И вдруг забормотал, заговорил,
И ровное его сердцебиенье,
Уверенный, неторопливый шум,
Напомнит мне мое стихотворенье,
Которое еще я напшу.
И если я домой вернусь целым,
Когда переживу двадцатый бой,
Я хорошо выслезу первым делом,
Потом опять поеду на фронт. Любю.
Я стану замк, рассчитанным и зорким,
Как на посту (по-шаташи — «на часах»),
И как о хлебе, соли и махорке,
Мы снова будем спорить о стихах,
Быть батари. Вспынузи зарини.
А над землянокой — мелденный дымок.
«И вечный бой. Покой нам только снится...»
Не Блок — так я скажу бы это смог.

* * *

Мы с тобой простились на перроне,
Я уехал в дальние края.
У меня в смертельном медальоне
Значится фамилия твоя.
Если что-нибудь со мной случится,
Если смерть в бою разлучит нас,
Телеграмма полетит как птица,
Нет, быстрой во много тысяч раз.
Но не верь ты этому известью,
Не печалься, даром слез не трать:
Мы с тобой не можем быть не вместе,
Нам нельзя разделять умарать.
Если ты прочтешь, что пулеметчик
Отсутствует, заставил батальон,
За столбом сухих газетных строчек
Ты пойми, почувствуешь; это он!
Ты узнаешь, что советский летчик
Разбомбил враждебный эшелон,
За столбом сухих газетных строчек
Ты пойми, почувствуешь; это он!
Пусть я буду вертким и летучим,
Пусть в бою я буду неравием,
Пусть всегда я буду самым лучшим —
Я хотел при жизни быть таким.
Пусть же не проходит между нами
Черный ветер северной реки,
Что несетса мертвыми полями,
Шевеля пустынные позвонки.
Будешь видеть, как на дне колоды,
Образ мой все чаще и новей,
Будешь верить: он еще вернется,
Постучится у моих дверей,
И, как будто не было разлуки,
Я зайду в твою опустевший дом.
Ты узнаешь. Ты протнешь руки
И поймешь, что врозь мы не умрем.

ПОДВИГ ЛЕТЧИКА МИХИНА

Фото
фронтového корреспондента
Л. Коробова

1. Летчик Михин вернулся после воздушного боя на полосу аэродрома.

«Вчера в нашей газете сообщалось о воздушном бое, произошедшем между советскими и белофинскими истребителями, во время которого было сбито четыре белофинских самолета.

Подробности боя на одном из участков, где было сбито два самолета, таковы.

Наши истребителим была поставлена задача — разведать и бомбить важный военный объект белофинов. Группу истребителей вел летчик-орденоносец Кочмалы.

На подходе к цели наши самолеты были встречены несколькими истребителями типа «Фоккер D-21», которые пытались помешать выполнению боевой задачи. Тогда летчик Федотов и летчик Михин атаковали белофинов, остальные, ведомые Кочмалой, настойчиво шли к своей цели. Летчик Михин произвел несколько стремительных атак и ударом

2. Летчик Михин у своего моноплана после посадки на полосу аэродрома. Здесь собрались авиотехники и инженеры, изумленные необычайной поломкой крыла...

крыла отсек у финского истребителя хвостовое оперение. «Фоккер» перешел в штопор и врезался в землю. От сильного удара самолет Михина содрогнулся, часть крыла деформировалась, но несмотря на это смелый летчик благополучно посадил самолет на свой аэродром.

Летчик Федотов своими атаками помешал белофинским истребителям нарушить полет наших самолетов, что позволяло им дойти до цели, разведать ее и сбросить бомбы.

На помощь белофиннам поднялось еще несколько самолетов, и скоро в воздухе оказалось одиннадцать белофинских истребителей против восьми наших.

По сигналу Кочмалы, наши самолеты вступили в воздушный бой. Летчики Мураин, Зинаидра, Согин смело нападали на белофинских стервятников. Скоро еще один самолет, типа «Глостер-Гладиатор», был сбит и, облитый пламенем, врезался в землю.

Остальные белофинские самолеты разбегались по принципу «спасайся кто может».

Б. Николаев»

Эта заметка была напечатана 16 февраля 1940 года в краснознаменной газете «Ленинский путь». За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской безгражданской и проявленное при этом доблесть и мужество летчик Михин был награжден орденом Красного знамени.

3. После войны примерно в том месте, над которым сражался летчик Михин, был найден разбитый белофинский самолет.

САМ О СЕБЕ

Я хочу рассказать о себе честно и подробно и откровенно — так как говорит человек сам с собой: не так, не хитря, не стараясь показаться лучше, чем ты есть на самом деле. О пережитом, о том, что случилось в моей жизни, об одном жизненном уколе, который я воспринял как величайшее бедствие, и о том, что из всего этого вышло.

Начну с «хрещеных» времен, с весны 1938 года. Этой весной в нашей школе избрали новым секретарем комсомола. Меня выдвинуло это событие: комсомольца я не был. О новом секретаре говорили, что это самая умная девушка в школе и что кроме этого она вообще очень хорошая.

Я ее почти не знал: она училась в другом классе.

Как-то, не помню уже почему, я задержался после уроков в школе, зашел в комсомольскую комнату, там сидела Вера—новый секретарь. Я был в то время довольно знакомым человеком и не знаю, как это получилось, что и разговорился с ней. Мы говорили о самых разных вещах, в том числе и о таких, о которых я до сих пор полагаться не могу: о вступлении в комсомол, о моих планах и мечтах. Я даже рассказал ей о своей теще. А теща заключила: вот в чем я решил создать «явку о далеком будущем». Это, может быть, покажется некоторым странным и смешным. Но в то время было для меня очень серьезным намерением.

Верь это не показало ни грустить, ни смеяться. И с тех пор началась наша дружба.

У меня до сих пор не было еще такого хорошего друга; с ней можно было говорить обо всем: и о школьных делах, и о политических событиях, и о том, что делается дома, и как поднимается вперед моя чина.

Когда в школе давали темы для сочинения, я взял свою — «Чернышевский о будущем» — и первые варианты этого сочинения привалял к Вере, чтоб попросить совета. Это было для меня больше чем просто школьное сочинение: это переживания с тем, над чем ты работаешь и думаешь, — и она пошла мне.

Я подавал задание в комсомол, и меня привалил. Комсомол, школа, мои занятия, учеба — все это доверку выполняло мою жизнь, и я с нетерпением каждый день устремлялся в школу и неохотно уходил оттуда.

К нам присоединился еще один — Игорь. Он был похож на меня. Любимым его делом была авиация. Он мог говорить о ней, не пренебрегая, часами. Батискаф считался с действительностью. О межпланетных путешествиях он говорил так, как будто уже побывал и на Луке и на Марсе. Дома у Игоря был целый ворох чертежей и каких-то замисловатых моделей.

О некоторых он говорил с предубеждением:

— Детская забава.

О других, задвигавшихся в авиацию. Немного неубедительно, но в принципе noneпаяна в мире конструкций.

Вот так мы и дружили зимой. Засиживались в школе до поздней ночи, помогая нашему секретарю составлять планы работы, бродили, не разбирая дороги, по улицам и переулкам, обсуждая горячие вопросы. Игорь об авиации или мнѐ — о великих философах древности, пытаясь раздвинуть границы знания и проникнуть взором в будущее.

Это была очень хорошая дружба, и непонятно, как, когда и зачем сюда вмешалась любовь: я ужасно влюбился в нашего секретаря. Ни ей, никому другому я не говорил об этом. Я боялся, что если я скажу, она возмутится и — кончим дружбу. Пусть идет, как идет. И так хорошо, в конце концов.

И все шло очень хорошо. Кончился учебный год, мы благополучно перешли в следующий класс, и лето разошлось в разные стороны. Мы отчаянно переписывались. Я послал Вере по почте целые простыни философских размышлений, она отвечала короткими записками: она не любила писать. Игорь откуда-то с Кавказа прислал какие-то записочки с черточками, которыми, я отчаявшись, разобрать, откладывал до его приезда.

Очень мы все рады встретиться, и все продолжалось по-прежнему удивительно хорошо. Нового было только то, что меня выбрали в комитет. Я стал заместителем секретаря. Работы было по горло, такой работой, умственной и веселой, что и кажется, даже во сне не переставал улыбаться.

И вдруг все полетело вверх тормашками. И с этого момента начался мѐ. Мы с Игорем после уроков пошли гулять по Москве. Третьего числа нашей тройки — Вера — не было: она заболела. Забрали на набережную, ходили вдоль Кремлевской стены и о чем-то лениво разговаривали, а вдруг Игорь сказал:

— Ступай, Юрка, скажи честно, ты любишь кого-нибудь?

— Нет, что ты! — я даже перепулся от неожиданности.

— Ну тогда я тебе скажу одну вещь. До сих пор я не говорил тебе, мнѐ в голову засела дурацкая мысль. Ну, а раз нет — скажу.

И он рассказал мне, что он любит Веру, что не удалюно он решился сказать об этом, и она сказала, что она его не любит. Все завертелось у меня перед глазами. Я это к тому говорил, кажется, поздравляя, желя счастья и еще какое-то ужасно пошлые вещи. Он, кажется, даже несколько удивился. Потом мы как-то оба загорюнились и разошлись по домам.

И с этого дня все пошло по-иному. Мне стало все на свете безразлично. Я ходил на уроки, слушал педагогов, но все пролетало мимо меня, и у меня такое чувство, что меня обманули. Но это было глупо, никто меня не обманывал. Вообще все, что я говорил и думал в то время, было, по-моему, очень глупо. У меня появились «спасы» и даже одно «плюс».

Меня уже начали ругать за плохую работу в комитете. Но мне даже это было безразлично.

Потом я как-то раз не пошел в школу и нашел, что гораздо приятнее сидеть дома. Стал пропускать занятия: «Раз им всем не меня наплевать, я и буду туда ходить. Пусть себе наслаждаются. Мне и одному хорошо». Мне однажды было совсем некстати, но в школу я все-таки не ходил. Сначала врал, что болен, а потом и врать перестал, просто избегал школы. А когда пришел Игорь с Верой, я набрлил им самым хамским образом. Они приехали еще, я им просто не отирал и через дверь кричал что-нибудь нечеловеческое.

Я набрал в библиотеке горы книг по истории и философии и сидел дни и ночи, занимался своей «явкой о будущем», даже писал статьи о своих страдах. Но мне не хотелось, чтобы ребята знали, чем я занимаюсь. Пусть они думают, что я все-таки и мне гораздо лучше теперь, чем когда я был в школе. И я выдумал глупейшую историю о том, что я в новой компании веселых молодых людей хожу по ресторанам, что мы живем бурно и увлекательно, — одним словом, «проживаем жизнь». Это разнеслось по школе с молниеносной быстротой. История дозналась другим, мне же не называли, оставили в крест. Меня вызвали в комсомольский комитет (секретарь комитета был уже другой). Постановили вывести меня из комитета и вынести строгий выговор.

Выговор, правда, райком потом не утвердил, но из комитета меня вывели. Я ушел домой с твердым решением: со школой все кончено.

Время шло. В школу я не ходил, с ребятами не встречался. Все время я думал: «Что же, в сущности, произошло? Как это получилось, что моя хорошая жизнь оказалась под гору, что в этом виноват?»

Было бы очень утешительно сказать самому себе: «Ты не виноват. виноваты твои неверные друзья, они подкупили тебя в самый момент. виноват комитет комсомола: он не разобрался во всем как следуют. Но я не хотел ничего утешить. Другим виноват был я сам. Сам оттолкнул от себя друзей. Своим молчаливым подвешиванием мной же пущенный слух».

И самое главное: я, человек, который стремится разрешить проблемы будущего, оказался в настоящем слабым, безвольным человеком, которого сбыва с ног перламутровая неувдача, первый жизненный укол.

Я развалился от первого же испытания.

И вот ястал передо мной вопрос: как быть, что делать мне дальше? Сидеть «на гордом одиночестве», разрабатывая проблемы будущего — отставать от жизни, от работы, от товарищей — или пойти в школу?

Ох, как трудно было идти в школу, где на тебя все смотрит

как на погибшего и при этом поощрения перешиваются: «Этот он, тот самый, который, помню...» Какое-то легкое мне было бы выгнать целый косяк углей или прожестиковать всего Канта, чем сидеть в маленькой замкнутой комнате директора и просить, чтобы мне разрешили снова стать школьником.

Но я все-таки пошел, и мне разрешили, и я снова стал ходить в школу.

Но я сказал себе: этого мало, ты должен вернуть мое время, ты должен вернуть то, что ты должен работать но всеб ты лучше, чем прежде. И вот я обратился к стороне дураков самолета. Мне очень легко сейчас написать эту фразу. Но как мне было трудно вступить в первый раз на комсомольском собрании под насмешливыми взглядами нескольких десятков комсомольцев — как мне было тяжело написать первое маленькое комсомольское поручение! Может быть, я и преувеличиваю недоброжелательность к себе ребят, но это правда. В любом случае, она была бы вполне оправданной.

Но почему-то я связал со своим положением. Мне стали больше доверять, как будто уже не чукались меня.

Учился я нелегко и решил: я должен стать отличником. Это было очень трудно. Я пропустил массу времени, кроме того я писал больше эссе, чем на свою память и сообразительность была на труд. К тому же не хотелось сбрасывать своих занятий. Но я все-таки добился лучше, к концу первого полугодия и стал отличником. Но это я забавлял вперед!

Настал день выборов в комитет. Кто-то назвал мое фамилию. Я удивился, но решил быть кто-нибудь из названных, который не слышал моей истории, а знал меня только по последнему времени. А я много работал, писал, выдумывал, вымыслил стенограмму, помогал составлять отчет и так далее.

Но вот один за другим стали аствовать ребята и говорить обо мне всякие хорошие вещи. Потом явил слово директора и сказал, что «Федоров» один из самых подходящих кандидатов не только в комитет, но и в пост секретаря...»

И вот меня выбрали в комитет. Мне хотелось тут же спастись кто-нибудь невероятное или произвести пламенную речь и сказать, как я благодарен ребятам, но что они доверяют мне, и что вообще все они замечательные и чудесные, и что я в это все себя буду стараться... Но я ничего этого не сказал.

Я сидел и проносился все это по себе.

И вот я секретарь комитета. Снова я просиживаю в школе с утра до ночи. Возвужусь, безглаголю, торжому ребят. С непривычки делаю глупости и ошибаюсь, раздражаюсь и делаю нолю. Но при всем этом я снова одно: что бы в моей жизни ни произошло, я буду стараться твердо держаться на ногах и не дам себя себя с ног какой-нибудь неувдае.

Если товарищ по «Смею», прочитав это, захочет мне написать письмо, то буду рад.

«Смею» для передачи мне лично.

Юрий ФЕДОРОВ

РАССКАЗ

Ей казалось, что в такой деле лучше всего побить дома, думать о Женю. Это был первый праздник без него. Рождие, поминая ее состояние, не очень настойчиво звали ее с собой на демонстрацию и по одиночке развешивать, каждый в услажденную мест-обор-ганизации. Немного позже звали соседки, с утра начавшие вырывать своих девочек. Она осталась в квартире одна.

Она выключила репродуктор, но тогда стало слышно радио в соседней квартире: она плотнее прикрыла дверь на лестницу. В открытую форточку порывами долетала духовая музыка, несшая развозгосности приходивших по перезуку клонов и мерной рокот моторов в небо. Можно было предстать, что делается на центральных улицах города! Она закрыла форточку. Пусть всеяется и воют. Видно, кроме нее, никому вспомнить Женю в этот день.

Она достала из стола газетный сверток со своим бесенным богатством. Здесь были фотографии Женю, вырезки из газет, какие-то обретенные записки и старые театральные билеты—все, что имело хоть какое-нибудь отношение к нему. Было мучительно, но в то же время абсолютно необходимо снова и снова пересказывать все это и думать, думать о нем.

С маленькой любительской фотографии, левой край которой был засечен, серьезно, даже, пожалуй, мрачно, глядел молодой мальчик в смешной тюбетейке, с пионерским галстуком на шее. В запястьях ярмарочности было видно одно—желание выплыть хоть немножко старые своих лет; но духные детские губы и миккий подбородок выдавали возраст. Этот снимок дал ей Никиту, старый друг Женю, когда она с мужем были у него, и Женю до смешного рассердилась на друга. Ему очень не нравилась старая фотографии, он хотел разорвать ее, но ей было особенно дорого видеть, каким он был в детстве. Ее интересовало все относящееся к нему. Он был таким соразном когда-то Никита рассказывал, как она с Женей и еще одним мальчиком Андреем, мечта о профессии летчика, заехали в пионерских лагерях «левые полеты». Забиралась далеко в лес, они втроем пригнали веревкой в земле зигурту веревку соседа, затем кто-нибудь один (чаще всего это был Женю) хватался руками за линию и вальчатый ствол, поближе к макушке, а другие отскакивали в стороны. Осободженное дерево мгновенно выпрыгивало—и отпавший паритель ботал ногами высоко вверх... Это была далеко не безобидная забава: не раз верхушка с треском обваливалась и мальчик, зависая за колени ветки, обдирав ливы и руки, летел вниз. Страшно было думать, что они выстрелили. Их чуть не исключили из пионерской, всех трюх, когда вожаком сказали, кто обоглаживает деревья в лесу. Они обещали прекратить «левые полеты», но между собой похлеще не смотря ни на что стать летчиками.

Только Женю добился своего: Никите не поведло со слухом, он стал стрелком, а Андрей, забыв детские увлечения, на все жизнь полюбил горное дело. Встречаясь вместе, они вспоминали свои проказы. Из этих рассказов она могла представить, как сорит-голосил был Женю Шумов, ее Женю.

Она хорошо помнит его увлечение спортом: они вместе учились в школе. Однажды Женю, вызванный к доске, сделал стойку на руках с сильной преподавателем, пока тот обвешал классу задачку. Обернувшись, математик захватил «архобрат» враслох.

— А ходить на руках умеешь, Шумов?—спросил он.—Прощу показать мне и всем остальным, как выходят на руках из класса. Мы этого еще не видели.

Выходка Женю Шумова и слова математика облетели всю школу. Она и ее подружки были также возмущены хулиганскими поступками Шумова, и в стеновой газете появлялись ее карикатуры: Шумов был надписан стоящим на голове у доски, ногой он держал мел и решал задачку. «Кто стоит на голове, вы спросите в VII «В»,—было подписано под карикатурой. На школьном собрании строго осуждали поведение Шумова. Но математик присял не прибегать к крайним мерам и посоветовал поучить Шумову организанию акробатического кружка. Кружок был организован, и с тех пор все звали Женю акробатом.

Летом комсомольская организация школы послала его, как одного из лучших спортсменов, в районную школу пианистов. Осенью он пришел на занятия серьезный, даже строгий, и она, встретив его в коридоре, решила, что Женю узнал, кто был автором карикатуры. Она не раз ловила его строгие и, как ей казалось, осуждающие взгляды, когда, смеясь или громко переговариваясь с подружками, спускался по лестнице. Ей хотелось смеяться еще сильнее, говорить еще громче, чтобы позлить «архобрата». Подумавшись, какой тиксон стал. Но он совсем не обращал внимания на нее, как, впрочем, и на других девочек. Разное могла она знать, что он вместе с верным другом Никитой еще с VI класса прожовал ее домой, обречен от возможности случайнейшей и дерзкая, как истый рыцарь, на почтительном расстоянии? Какие они были мальчишки! Вот ярвызнавший из центральной газеты портрет молодого улыбающегося летчика в замолненной на затылок пилотке, очень мало похороже на Женю. Под портретом подписи: «Отличник учебы И-ской авиашколы, комсомолец Евгений Шумов». Она помнит, как он повисал три года назад, вскоре после окончания школы, в палисаднике перед ее окном в своем летном комбинезоне и этой пилотке.

— Ты откуда сальсишься, акробат...начала было она, но замолчала, так как школьное прозвище не вазалось с его видом. — Как ты узнал мой адрес, Женю?

Здесь-то он и рассказало со смехом, как прожовал ее из школы, и уже по этому смеху было ясно, как он вырос и возмужал. Он был очень интересен в своем летном костюме, она удивлялась, как не замечала этого раньше. Они вошли в Центральный парк, катались на воздушных лодочках и непрерывно ели мороженое. Он все время рассказывал, какие замечательные летчики есть в их части. Они были влюблены в какого-то Фомина, который делал десктоп из пилотки и мог развешивать на небе свой машинной, в Чкалову Кошкина. Они ки и других друзей, призвавших в их часть. Он мечтал стать когданибудь похожим на них.

Она рассказывала ему о своих товарищах из медицинского института, о милон Никите,

который один не забывает ее и почти ежедневно зовет. Она помнит, как Женю посмотрел на нее, когда услышал это имя. Остальную часть вечера она была молчалива и задумчива. Прощаясь с ней, он неожиданно спросил, любит ли она кого-нибудь.

— Потому что, если ты уже любишь, я не буду тебе наедать,—почти сурово сказала он.

— Возможно,—задумчиво сказала она,—возможно, и люблю.

Она ничего еще не любила тогда и говорила просто так, чтобы подразнить его. Женю ничего не сказала на это, только, прощаясь, крепче обхватил ее руку и с тоской посмотрел на нее. Дома ей стало жалко его, она уже ругала себя и думала, как исправить свое ошибку.

Всю неделю она ждала следующего дня отдыха, до самого вечера не выходила из дому, но Женю не приехал. Тогда она поняла, что ждет его совсем не для того, чтобы извиниться, просто ждет его, хочет его видеть, не может без него. Был день часов вечера, когда, измучившись от бесцельного ожидания, она поехала к Женю, не зная точного адреса, помня только название станции, вблизи которой находился его аэродром.

Это было похоже на чудо, но первым человеком, которого она встретила на платформе, был Шумов.

— Ты?... Ты?—удивленно, словно не смея верить глазам, спрашивал он.

Больше Женю не мог ничего сказать, но слова были неуживки: ведь он тоже вышел ее встречать!

Как они были счастливы тогда, и потом, когда поженились, и все это время, промчавшееся так быстро! Ей было очень хорошо с ним, и она жалела только, что он так много работал. Ей все время казалось, что это—серьезное дело: его кружки, и полтубеца, и занятия по стрельбе, и тренировки в бассейне. «Мы совсем не чувствуем, что жеманствуем,—жаловалась она.

— Какая ты смешная,—дажево говорил Женю.—Ты имела бы право обижаться, если бы по слуху наши свадьбы отменили все войны. А так как этого никто не может сделать, приходится готовиться к ним. Разве ты не знаешь, в какое время мы живем?

Ей казалось, что она все прекрасно знает. В газетах она читала о начавшейся войне, о бомбардировках мирных городов и потопленных пароходов, это казалось таким далеким, почти как гражданская война и революция, историю которых она проходила в школе на уроках. Ведь она даже делала доклад на тему «Гражданская война по роману «Тихий Дон». Слово «война» стало для нее просто отвлекающим почитием, таким же, как слова «капитализм», «революция», «кержив». Только иногда, просмотрев новыи фильм или прочитав талантливую книгу, она как бы очнувшись, начинала пони-

мать, что за этими словами стоит бесконечно родные, хотя, быть может, и незнакомые товарищи, отдавшие жизнь за ее счастье.

Отца Женю убивали в гвардейском полку, востановленного на раскошках матери, слово «война» не было просто понятием. «Война», «революция», «отряд» слышались для Женю вместе. Им он был «обман» своей жизнью. Поэтому он не пошел.

Женя не раз объяснял ей это. Она говорила, что понимает его, но тогда она еще не понимала. Слишком велика была ее любовь к матери, востановленной на то, что связывалась с понятием «война». Она не могла даже представить себе, что может быть война. Теперь-то она понимает, как это происходит. Но бы этого ничего не меняет. Разве она могла бы задержать Женю, когда он решил ехать добровольцем на фронт, едва на границе раздалось первое «салют»? Ни она, ни Женя не хотели, чтобы он был больше всего на свете, не могли этого сделать, просто не имели морального права.

Остановить его она не могла бы. Но кое-что могла быть иначе... Это-то зависело от несчастья, как жаль, что у нас нет сына,—сказал он на вокзале, прощаясь с ней,— вместе бы проехали меня, вместе бы встречали. А может, это и лучше. Он говорил об этом шутя, но она-то знала, что ему хотелось иметь сына. Это она и проповедывала, что не время думать о ребенке, пока не кончен институт, не устроена жизнь. Вот, устроила...

По-настоящему пошла она свою ошибку много позже, после того торжественного и ужасного письма. Она прочитала, и ей пришла бурная радость, когда она прочла, что за исключительный героизм и отвагу летчик Евгений Шумов награжден высшей наградой Союза страны — орденом Героя Советского Союза. Это было что-то во внешности, что заставило ее сердце тревожно сжаться и пробежать писью восторг. Тогда она замесила вазу, но не доведя до окончания в первый раз. Два простых, обыкновенных слова, затрещавших среди других: «отважный и отважный». Она не поняла этих слов, она не могла понять страшный смысл их, но губы уже шептались сами по себе: «Женя умер, Женя вст!»

Она и сейчас ходила в комнату, судорожно сжимая пальцы и повторяя эти два слова: «Женя вст». Тогда она еще не понимала, что такое «вст», совсем нет и больше ничего не будет. Она как бы ослепла, оцепенела, а в душе была пуста. Родные осыпались за ее жизнь, боялись, чтобы она не сделала что-нибудь с собой. Она выжила, как они все время следят за ней и шепчутся по углам, но ей ничего не хотелось: ни разговаривать с ними, ни плакать, ни думать. Она все время сидела да ждала, глядя в стену перед собой, и прислушивалась к тому, что делается у нее внутри. У нее в старшей комнате, словно она не может понять что-то важное до конца. Даже на лекциях в институте ее не оставало это чувство.

К ней захватил летчик из женской части с боевым орденом на груди, так не выжилишь с его юным обаянием и пылом. Он рассказывал о бое, в котором самолет Шумова, вынырнув из облаков, оказался перед пятёркой армянских истребителей. Перестрелка надлегла поздно, и Шумов принёс неравный бой. Как чорт, носился он среди чужих машин, подбил одну, но армянский летчик уже занял ему в хвосте и выпустил смертоносную пулемётную очередь из четырех стволов. Последнее, что успел сделать Шумов, это кинуть затрещавшую, темную управляемую машину на ближайший аппарат врага. Появившись из-за облаков два наших «стребца» видели корабль боя; два машина, лопая части в разрыве, вихрем, падали вниз. В старшей комнате они бросились за удрученным врагом. Они отплатили за своего командира в этом бою и во многих других. Она может быть спокойна; они

сделали то, что могли. А Шумов погиб как герой. Каждый в эскадрилье — теперь эскадрилья имени Евгения Шумова — хочет бы быть таким же, как он. Она может гордиться своим мужем.

Сказав это, он осекся и замолчал. До той минуты она ждала чего-то, — может быть, чуда. В глубине души тайлась корявая надежда, а вдруг что-нибудь не так, где-нибудь произошла ошибка и ее Женя не умрёт, а только ранен, пусть даже тяжело. Но чуда не случилось. И тогда она заплакала. Слезы прорвали какую-то задерживавшую их пелену и лились потоками. Летчик даже растерялся, он думал, что она уже припрядлась с мыслями о потере мужа, и не знал, как успокоить ее. Он пожелал за матерью.

— Поплачь, поплачь, дочка! — говорила ей мать, утраивая угрызенья своей слезы: — Все на душе легче станет.

Ее удивил слезы, но даже тогда, замалываясь от рыданий, она помыкала, что ей никогда не выплатит своего гора. Однако проплакала, увидела слезы в слезах, она натрону почувствовала себя немного легче. Ей захотелось увидеть жену мать, и она пошла к ней. Мать лежала, разбитая парализом, и увидела, как она пришла, и сказала слово. Она поняла это слово: «Женя». Навела она и женских друзей. Видя их, веселых и оживлённых, она не могла понять, как они могут веселиться, устраивать вечеринки, бывать в кино, когда Женя, ни главаря и заводила, высокий, веселый Женя, лежит в холодной, морской земле. Ей казалось, что она сама дошла себя на этом. Но иногда она сама дошла себя на этом, что не может вспомнить, какие были у Женю глаза, как он смеялся. А ведь у их сына обязательно были бы женские глаза и губы. Она бы рассказала маме об отце...

...Неожиданно в перерыв завоунал звонок, и она пошла открывать дверь. Вышел сосед, забывший дома красный флажок своей дочке. — Что вы слыте дома, соседка? — весело спросил он. — Сейчас самолёты полетят. Марш, марш на улицу!

Он был очень оживлён и, казалось, вприсе с собой кусочек радужного неселья. Ей

людям в праздничных костюмах с алыми лентами и цветами в петлицах. Люди залезли всю улицу так, что не было ни мостовой, ни тротуаров.

Радиопропоры, установленные на крышах многоэтажных домов с таким расчетом, чтобы они не провалились, выносились над городом снова новой песней о бесстрайном соколке. Глето-то далеко гудели невнятные самолёты.

Она шла, наступая на мятые стачкинки от мороженого, и ей казалось, что праздничные дни — это так трудно было представить улицу другой.

Посреди мостовой плескали тоненькая девушка в ковергоном пальто и усталый дворник с отпущенными волосами, выходящий из городской бездны. Демонстрация еще не началась, но люди веселились, кто как умел.

Она любила это праздничное веселье, дружеские улыбки незнакомых людей, которые так и шли, как они веселились с Женей, когда шла всей школой на демонстрацию три года назад. Женя вст, а все идет поперек, все веселится и поет, и никто даже не вспоминает о нем в этот день.

Послышалось нарастающее гудение моторов, и все подняли головы вверх. Из-за высоких крыс домом легко и быстро вылила девица, даухомоторная. Вот так же она веселилась с Женей, когда была в их школе, но она помнила, как радовалась этому и как она, глядя на самолёты, старалась взорваться, в какой-то мере они летят.

Взлет над голубой аэродромом беший репроделером. Низко над площадью метулись пять красных тупоносых истребителей.

Ее оживил этот рев. Она слышала от Женю об «стребцах», но никогда еще не видела их так близко. Какую силу надо иметь, чтобы управлять такой машиной! А Женю все это, его как-то «нормально» «стребца» была «нозой для врагов. Слезы остыли, ее глаза, она натаскала на людей и упорно пробиралась вперед, вступать, протрещали, идущие колонны. Шля студенты с винтовками, женщины с детьми, отряд девичек с противогазами и санитарными сумками. Секлов слыла она разглядела знакомое лицо над одной колонной.

Она вытерла глаза мокрой платочком, но лицо не различало.

Родное лицо было в замолкнутой на затылок пилоте широко улыбалось ей с портрета, который несла двое пошней в форме летного училища. Она встретила этот день на излодах куряносом, пенных ионую песню о бесстрайном соколке, и с удивлением повторила: «Этот же он! Это он!»

Горячая волна зашла ее лицо, высушила глаза. Так вот как Женя возвращается к ней! Значит, он нем не забыл, что она ждала его. Она отдала свое счастье, свою жизнь за всех этих людей, которые сейчас сиюминутно идут по улицам многоэтажных городов, любуясь этой демонстрацией. И его счастливый — не слепой случай, не бессмысленная черная яма, а яркая, бесслезная улыбка в борьбе за жизнь.

В небе летели все новые соединения самолётов, их было гораздо больше, чем в прошлом году, потому что на месте вышедшего летчика становился десяток других, вместо разбившегося самолёта строили сотни новых. А над колоннами влили портреты. Она шла вперед, глядя на людей, и думала, что она казалась утренние мысли. Ее душа износила высокое чувство гостости и восторга. Только обидно было до боли, что у нее нет сына, который мог бы идти все это, запомнить, пронести через всю жизнь.

вдруг очень захотелось на улицу, хоть немножко забуть о своем горе. Она завернула пакетики, бумажки в ту же газету, выцеловала пакетики и сирпата его в стол.

Когда она вышла из подъезда, то от свежего воздуха, от музыки дестков оркестров, от шествия флагов и знамен у нее захватил дух. Она шла по своей улице, стараясь забыть о новой от знобности веселья, ослепленных

Сталеваир Кирилл Чирков следит за выпуском сталя.

Сем. ПАРИНЯНИН

ГОЛУБЫЕ ЗВЕЗДЫ

Кто из металлургов не мечтал и не мечтает о вечном железе? О железе, которое не подвергалось бы разрушающим действиям времени и коррозии и было бы вечным юным и в воде, и на суше, и в облаках, и под землей.

Действительно. Очень обидно видеть, как гнибят, покрываются ржавчиной совершеннейшая машина, созданная с таким трудом человеком. А ведь гнибят не одна машина: по подсчетам ученых, ежегодно уходит в небытие примерно третья часть того металла, который выкачивается всеми домами и маргеновскими печами мира.

Вечного железа металлургии еще не изобрели, но нержавеющей стали мы уже научились варить. Правда, нержавеющей обходится нам во много раз дороже обыкновенной углеродистой стали, и потому она используется только для очень ответственных деталей. Кроме того при обработке нержавеющей стали остается точно такое же количество отходов (обрезков, стружек), как и от других металлов. Но если все прочее отходы можно снова пустить в мартен, то огромное количество обрезков и стружек дорогостоящей нержавеющей стали оставалось неиспользованным.

В этом отношении московский завод «Серп и молот» почти ничем не отличался от других предприятий Советского Союза. Разница состояла в том, что инженеры этого завода перемыслили начать перерабатывать нержавеющих отходов. Но это смелое решение при пробной же плавке потерпело сокрушительное неудачу: сталь была вышугана в холодную и пошла на цеховой двор. Кирилл Чирков был свидетелем этого досадного провала. Он, так же как и многие другие сталевары, присутствовал на пробной плавке от начала до конца ее, ждал удачу экспериментатором. Но удача прошла стороной. Бывший начальник маргеновского цеха считал провал совершенно законным, ибо, как казалось ему, самая задача переработки нержавеющих отходов была технически невыполнима.

Другого мнения был обер-мастер Розенбит. Обер-мастер не хотел делить успех последних выводов и подал у директора завода разрешение на повторный эксперимент.

— Сварить отходы можно, — говорил Розенбит. — Нужно только поручить эту работу надежному сталевару.

Обер-мастер долго подбирал сталевара для этой второй плавки и, наконец, вывел к себе в контору Кирилла Чиркова.

Кирилл согласился провести повторный эксперимент на своей печи. Такая ответственность вызвала удивление у некоторых его приятелей. Брать на себя ответственность за вторую плавку кое-кому из сталеваров казалось неблагодарным. Тем более неблагодарным это было делать Кириллу Чиркову. У Чиркова несмотря на его молодость было уже всеосвоенная слава мастера скоростных плавок. Его рекорд — два «сема в смену» — оставался до самого последнего времени тем производственным «мोटолком», которого не удавалось достичь ни одному сталевару «Серпа и молота». И вдруг сейчас Кирилл Чирков неизвестно зачем ставил свою репутацию под удар.

— Всем было ясно: вторую экспериментальную плавку обер-мастер уже ни за что не выпустит в холодном виде. А раз так, то Чиркову придется держать свое яйцо на температурном максимуме. Это вещь опасная. Чуть-чуть недомоетра — и уже пережог. А сечь печь сталевару так же поозорно, как поозорно пилоту сломать шасси отечественного самолета при посадке на собственном аэродроме.

Плавка была тяжелой. Трудность ее заключалась в том, что шкату приходилось варить без примеси чугуна. Чугун, как известно, содержит большой процент углерода. Когда маргеновская печь завальцовалась чугуном, сталеварам не надо держать газ на постоянном максимуме, ибо сам углерод при горении увеличивает температуру печи.

Но в составе чугуна, кроме углерода, имеется немалое количество весьма вредных примесей, вроде серы и фосфора. Эти примеси при плавке соединяются со сталью, и их приходится затем с помощью весьма сложных и непростых пережогать отсюда шлак. Кирилл Чирков умел делать и это. Он, например, бledстаете варить сталь марки «Арико», сталь, в которой не было почти никаких примесей и которую металлурги называли поэтому технически чистым железом.

Чирков хотел рискнуть и испытать новый способ, без чуговой плавки, разработанный инженерами заводской лаборатории — Зачем ты связывался с этой плавкой? — спросил у Чиркова приятель. — Пусть экспериментатор другие. Ты лучше встань в сторону, смотри и учись.

Чирков был человеком благодарным. Однако благодарным грубо было ему сказать душе. Он, так же как и многие другие металлурги, носил на сердце метку о вечном железе.

Между первой и второй плавками прошло двадцать дней. За это время Чирков вместе со сталеваром Пружинником и обер-мастером Розенбитом составил точный расписание работы. Плавку надо было вести при постоянной температуре в 1690°. Отклонений не должно было быть ни в ту ни в другую сторону, ибо при меньшей температуре можно было застудить плавку, а при большей — заугрибить печь.

Успех, таким образом, всецело зависел от температурного режима. Для того чтобы использовать температуру печи с наибольшей эффективностью, Чирков решил взять на учет каждый градус тепла. Пока завалочна машина загружала шкату левое окошко, сталевар прогревал газом правую сторону чеха. Когда машинист пережогал с мутьями¹ к правому окну, Чирков перекидывал огонь на левую сторону. К концу завалки температура была прогрета до максимума. Первый подчуный закрыл окошко печи, Чирков поднял подачу газа, и процесс плавления начался.

Много раз за эту смену дивосовой свод печи начал слезаться в молочные капли. Это был тревожащий признак. Капли могли превратиться в струи, и дивосовой свод обрушится из-за визг страшным расплавленным потоком. Если эти напряженные минуты Кирилл Чирков выдерживал на температурном графике, как канатоходец, не смея сбивать газ, чтобы не испортить плавку.

Ночь была жаркой. Чирков не успевал выпарить пот на своем разгоревшемся абу. Он пыл, брызжущий слезами, возмущен. Когда начался нагон, первый кирилл металла.

Каталь поднял крышку правого окошка. Сталь бурлила в мартене. Газ шел с запада на восток. Молочные слезы висели тяжелыми каплями на правой засаде.

— Катуй газ!

Каталь закрыл правое окошко и поднял крышку среднего. Первый подчуный стоял перед печью с длинноручной чуговой ложкой.

— Пробуй! — крикнул Чирков.

Подчуный прикрыл левой рукой глаза от огня и сразу же воткнул ложку в кипящее вареное сталь. Затем ложку опорожнил в стакан. Каталь вынул из стакана красный тюбик металла, схватил его щипцами и побежал в экспресс-лабораторию. В металле было много углерода.

— Давай присядку!

В каждое окошко печи было брошено десять долат перемолотого алюминия, и четверо подчуных попеременно стали перемалывать металл тупыми и короткими скребками. Из экспресс-лаборатории принесли анализ первой пробы. В печи была брошена вторая порция алюминия, смешанная на этот раз с кремнием.

Внимание Чиркова начало понемному утомляться. Обер-мастер прислал на помощь сталевара Пружинника. Чирков вынул воду и вышел на заводскую двор переднюю дахле. Минуты пять он сидел неподвижно от цеха с закрытыми глазами, ни о чем не думая. Но вот мысли его снова возвращаются к плавке. Он открывает глаза и видит над своей головой звездный шатер московской ночи. Звездам навостряют ему о первой его самостоятельной плавке. Это было семь лет назад. Он работал тогда первым подчуным в бригаде Гавриила Савирина, бывшего старшим сталеваром и учителем. Он воспитывал своих учеников в смелости и дерзости и не боялся подпускать их к абу.

— К абу, Кириша, — бывало, скажет си Чир-

¹ Муть — это продукты металлургического процесса, которыми подливают в маргеновской печи железный лом, руды и т. п.

кову в начале смены,—будь сегодня ты за стареяла, а я займу твое место поучником.

И Кирилл Чирков начал составлять рецит шхты, производи заавку, вел работу. Но варит сталь раньше, вел рудыше, как Свиридов,—дело не страшное: он и похалит, и подвратит, и поругает.

Но вот как-то Свиридов заболел, а мастер приказал Чиркову заменить своего учителя у марфина в в порядке учебной практики, вел возвест и провести всю плавку самостоятельно.

Та ночь—ночь первой плавки—прошла у Чиркова нисколько не легче, сегодняшней. Так же вот, как сейчас, он вспоминает тогда на заводской двор переветы дыхание, и такая заводская ночь успокоила его, выдохнула его силу, уверенность.

Позже, когда Чирков из неопытности ученика превратился в опытного мастера скортных плавок, он писал в стихотворении «Земля» об этой знаменательной для него ночи:

«А над Москвою, поивцу, звезды
Светились голубым огнем,
Огни космы и перекрестки,
И рассыпались над Кремлем».

Голубой огонь звезд олицетворялся у старшего-поэта с огнем марфинского плавления, и поэту должно было когда-нибудь родиться вечное железо.

«И кто знает, не будет ли сегодняшняя экспериментальная плавка нержавеющей отходо в еще одним шагом на пути к созданию вечного железа?»—думал Чирков.

Когда Чирков возвратился в цех, Пружинин брал уже шестую пробу. Чирков заглянул в окна печи. Жидкий слои шлага плава поперек горючего металла. Старый поэт вел анализ последней пробы, доставившей из экспресс-лаборатории, и велел поварам бросить в печь третью порцию алюминия и кремния. Металл был снова перемазан железными скребками. Через десять минут повары взяли очередную пробу и в окна полетел феррохром.

На исходе десятого часа поучник унес в экспресс-лабораторию последнюю пробу. Плавка была готова для анализа. Чирков в последний раз перемаз вал, чтобы не застудить металл перед выпуском. Первый поучник дал сигнал—и огненный ствол стал с шумом ринуться по жолобу в разливный ковш.

Миллионы брызг светящихся аэрозольных пелен во все стороны, и цех потонул в феерическом огне.

Но вот металл выпущен, на казаву опусается мет. И только над выходящими, напольными до краев, стоит голубое сияние остывающего металла. И, глядя вниз с площадки печи на это голубое созвездие, Чирков понял, что возволился он все эти дни не зря. Пусть это—еще не вечное железо, это зато уже и не простая улеродистая, а добротная нержавеющей сталь.

У Чиркова оказалась «легкая» рука. В 1940 году экспериментально удалось заавку, выжечь, и первая нержавеющая отходо уже была включен в производственную программу «Серпа и молота».

Ворба за нержавеющей сталь обогатила молодого стареяла своим опытом. Его называли теперь не только мастером скортных, но и мастером высококачественных плавок.

Авторитет Кирилла Чиркова поднялся так высоко, что «летательная» улетелась на работу с просьбой «выложить свой опыт в специальной книжке. И хотя Чиркову на этот раз пришлось писать не стихами, а прозой, его книжка «Выплавка нержавеющей стали» по свидетельству профессора Лебедева, представляет большой интерес.

Однако Кирилл Чирков встретил XXV Всесоюзную конференцию ВКТИО в только вышесказанном плане. Чирков развил участие на заводе соревнования комсомольцев Чирков стоит в главе передовиков стахановской работы, бок о бок со своим приятелем стахановцем Пружининым. Как обычно, дном из условий стала, и про него беседует со звездами, чтобы выступить в феврале на страницах заводской многотиражки с новым циклом стихов и песен.

Наверное, каждому свой класс кажется непонимым на все другие, исключительным и неповторимым. Особенно если это 10-й класс, последний год школьной жизни. Во всяком случае, в нашем 10-м классе «Б» все именно так:о мнения о своем классе.

10-й класс—последний год в школе. Другое у каждого начнется свое, отличная от нашей жизнь и разлетится наш класс в разные стороны, и в будущем уже не встретит и место будущей встречи. Все сегодняшние десятиклассники, где бы они ни были, что бы ни делали, должны будут прийти в назначенный день и час в определенное место. Это будет где-нибудь в Армянском бульваре, возле нашей школы. Но школа будет уже не «наша»; в ней будут уже новые люди, «племя молодое, неземное», и они не узнают нас...

Но все это лирика. Об этом вспоминаем сравнительно редко, обычно во время школьных вечеров или когда получаем письма от Игоря Курдюмова, нашего одноклассника, который ушел в армию еще до окончания школы и пишет нам, какова она, настоящая, «взрослая», мужественная жизнь.

А так каждый день нам некогда мечтать. Кажется, никогда еще мы не жили так деятельно и интересной жизнью. Назову сейчас, что наш класс—единственный в школе, который не имеет классного руководителя. Прейный ушел, новый не появился, и вот в начале учебного года Елена Андреева, директор школы, пришла к нам и сказала про нас: поучероужно!

—Дано нам полную автономию. Правьте и владейте собой сами. Классного руководителя у нас не будет. Посмотрите, что получится.

Нам это понравилось. Но что не трезво подумать, такто не анализ. Некоторые из педагогов выказывали самые мрачные предположения: «Ну, теперь все впрямь торжашками полетит, они будут на головах ходить!».

Такое мнение было не удивительно: наш класс никогда не отличался плохой нравой и был совсем не похож на своего соседа—тихий и спокойный 10-й «А».

Итак, мы получили самостоятельность. И главным, официальным лицом в классе стал классный организатор. А классным организатором была я. Мне не в первый раз поручали эту работу, но никогда раньше я не чувствовала себя в этой роли так, как сейчас. И в конце в классе, особенно комсомольцы, стали чувствовать себя по-иному.

Нам казалось, что никогда раньше нас не сваливало сразу столько бед, сколько сейчас: плохие отцы, списывание, шум на уроках, развалы. Мы знавали, было и раньше. Просто, когда был классный руководитель, все это не касалось так близко каждого из нас. Он все разбираил, выяснял, улаживал.

О классе ходила недобрая слава в школе. Многие хотели поучать, что каждый из нас обладает теми же чертами, что и весь класс: что все мы такие вспыльчивые и горячие, совершаем необдуманные поступки, шумим шум и кулерую. Но работ у нас, как и раньше. Просто, когда был классный руководитель, все это не касалось так близко каждого из нас. Он все разбираил, выяснял, улаживал.

Мы вызвали их на соревнование и пошли заключать договор. Сразу же начались споры. Они не хотели включать пункт о помощи, чтобы отсутству будет дан, не надо брать никаких обязательств, нечего заниматься прожектерством».

Но мы настояли на своем. Договор был заключен. Главное в нем—три пункта: участие в общественной работе, культмассовая работа.

Не думайте, что у нас было столько спортивных игр, что мы с таким шумом, и его бед надолго не хватило, а тут нужна непрерыв-

ная, неустанная работа. Иначе ничего бы не вышло.

Главным из трех китов была успеваемость, о я хочу говорить о другом—об общественной работе.

У нас в школе, да и не только у нас, вероятно, установилось такое неписанное правило: совсем не обязательно, чтобы общественной работу вел каждый ученик, совершенно достаточно, если в классе будет трое или пятеро, десять—это уже великолепно, а остальные могут только учиться.

По-моему, это глубоко неверно. Каждый школьник должен вести общественную работу. Это не самоцель. Не для того и нужно, чтобы иметь возможность похвастаться где-нибудь и выставить круглую цифру в отчете. Нет. В школе человек должен не только учиться, анализ, но научиться каждой своей шаг связывать с практической деятельностью, научиться приносить пользу. Я презираю людей, которые считают, что они должны жить для собственного удовольствия. Я не представляю себе своей жизни без общественной работы.

Разговоры насчет того, что десятиклассники надо освободить от общественной работы, по-моему,—пустые отговорки. Это—не головорезное утверждение. Буд доказательство: двадцать шесть из двадцати шести учеников 10-го класса «Б» 46-й школы Москвы ведут общественную работу, успевают учиться (в соревновании с 10-й «А» победил-то мы!), занимаются спортом, участвуют в выставках (в нашем классе), делают нормы на значки (но два уже есть у каждого), бываю в театрах и музеях (в этом году мы всем классом были два раза в театре и два раза в музее), читаю, играю в волейбол, ходят на каток и так далее.

Это я говорю тем, кто, допуская до старших классов, начинает охать и стонать: «Мы перегружены, забывать нас от лишней работы, классом быть не можем». Глушится Мож-но И, главное, нужно.

У нас в классе нет «безработных». До последнего времени был один, который держался несколько в стороне от жизни класса, дамы о нем говорилось, он отмахивался. Не станешь ведь называть силой! Мы отступились. И вот совсем недавно он сам порпора делю ему какую-нибудь работу. Хотя бы помогать кому-нибудь по математике (он отличник математики). Была наложено наказание без дела. Потом ему поручили сделать доклад на тему «Достижения науки в технике за 1940 год».

Это была последний из двадцати шести. Честно говоря, я сама не знаю, почему вдруг все так быстро возилось на дело и всем стало интересно. Я и не буду пытаться объяснить это «худшее превращение». Расскажу просто, что у нас делается.

Время от времени у нас собирается актив класса. Актив—это группа наиболее активных наиболее деятельных ребят. На актив мы можем ругаться и спорить очень долго. Но когда договоримся до чего-нибудь, найдем правильное решение, выполняем его без отговорок. Так мы договорились на активе: доложить списывать, никто из нас не дает свои тетради и сам не списывает. Помогать—только по раз хочется дать списать (смысл как не порадует родному человеку?), но нет. И приколосило беднягам, понадевавшимся на друзей, товарищей, выхта, испрек решить задачу самим, а в следующий раз попросить ушкошу помощь. Раньше к дежурному консультанту (из наших же ребят).

Потом как-то мы решили основать «классный фонд». Все мы любим театры, музеи, кино. Но предполагать ходило, выполняло всем классом. Слушается, что кой у кого нет денег, и тут на помощь приколосит классный фонд. Вносил не обязательно, но вносить все—не требуется, но два,—и наш фонд никогда не пустел.

Есть у нас подпольный класс—7-й. Подпольным он стал как-то стихийно. Началось с

1. Добрый, симпатичный пёс Джек, о котором вы читали, имел возможность познакомиться со странным производящим ломота «бонзю», стал внешне меняться к худшему. С тех пор как пёс у Джека поменялся таким привычкам, которые доставили многих уважающих себя собак превратить, в свои друзья. Помогите же вы, как вы себя себя этого молодой, полный сил пёс в трамвае. Войдет, рассидится о самым непривычным видом на скамейке и ни за что на уступит места ни старухе, ни женщине.

Сколько раз Гриня Минину приколоти красить из-за такого действительно похвального Джек. Джек не только слышно, но он непременно считает в оми и делает вид, что не замечает усталости старухи.

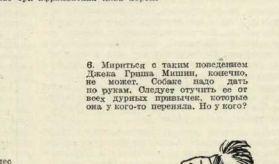
2. От Джека сейчас постоянно востребовано. Прошёл он ещё стены и в курил похвально Джек. Джек не только дел до того, что завел собственный партнёр, и достаточно только Гриня Минину завести себя, как Джек уже тут как тут — Разрешите присесть.

3. Джек мало мыслит в геометрии, но в логике товарищеского одолжения он наполнит класс урока.

4. Джек отличается не только на уроках. Послушали бы вы, каким тоном он ведёт беседы со своими приятелями. Сидит в притоне на скамейке. Джек омыло обобщения собачьи выражения вроде «та-та», «га-га» или «смазь», где вы довели эту презабавную юность? Джек узнает таким громкоговоримым рыком, который вряд ли сможет восприниматься даже три британских льва хором.

5. Однако этот adorableм разговору не только в самую теплую погоду глотает календаре и ни за что не выйдет на прогулку без лапши и теплого шарфика. Если пройдёт родителям Гриня Минина приходится покупать один шарфик, для сына, то себе надо покупать и второй шарфик, для Джека.

Что же касается календаре, то тут совсем скандаль. Четыре собачьи ноги в одну пару календаре на обложке. В обложке на календаре, ноги — это галочка, если много ног, и притом еще извешенных.

того, что комитет комсомола поручил Гале Вальсе руководить так пионерским отрядом, потом у нас появилась пионерка — Тася Высоцкая. Потом, когда проводилась военная игра, командование поручили Минне Гамбург. Ребята стали забирать в наш класс, то к Гале, то к Тасе, то к Минне, и мы постепенно перепознакомились с ними. И они теперь, видно, считают, что не только Гала и Тася, но и все остальные двадцать четыре — их комитет, и не возражает. Они приходят к нам группами и в одиночку по самым различным делам и обращаются к любому из нас. Правда, когда дело доходит до серьезных отрядных собраний, все мы отступаем на задний план и ребята признают только Галу и Тасю.

Для каждого из нас найдется дело. Может быть, это покажется и странным: как найти работу всем двадцати шести? В прошлом году мы бы сами этому удивлялись. А теперь, будь у нас хоть какие-то большие работы, и то хватало бы на всех. Вот какими делами заняты наши ребята — я просто перечислю некоторые из них: двое — вокзатные отряды, один — вокзатный фортис, двое — фортисы, стенографистки «Патриот», руководитель фотокружка, руководитель радиокружка, два организатора консультаций по наиболее трудным предметам, два члена комитета ВЛКСМ, два члена учкома, двое организаторов культурно-массовой работы в классе (театры, музеи, классные вечера, доклады и т. д.).

Теперь уже можно похвалиться, дело прошлое, но в начале года некоторые поручения были просто-напросто вынесены из пальца. Когда у нас взяли классного руководителя и никому не хотелось, чтоб класс устроил лицом в грязь, многие ребята приходили и просили какому-нибудь работу. Не скажешь же такому человеку, что все поручения розданы и делать абсолютно нечего. И он от нас просит работу, насколько угодно. На следующей перемене ты получишь. И к перемене я, посоветовавшись с группиром Майей Туровниной и еще кой с кем, нахожу дело. Так, например, родилась идея для газетных вырезок, которая потом оказалась очень полезной.

Работают у нас все, но работают по-разному. У некоторых просрываются нотки тщеславия: они делают все хорошо, но невозможно впопыхах. Работают, а сами подлаживают, достаточно ли они наивны, замечают ли их. Главное для них — не хорошо сделанное дело, а похвала. Есть и такие: выполняешь все добросовестно, но и только. А хотелось, чтобы они изобретали, волновались, радовались, злились и все время стремились вперед.

Не знаю, от чего это зависит: от характера ли человека, или от воспитания, или от того и другого, вместе взятого. Но это надо изменить. А как это сделать, как привлечь людям высокое сознание своего долга, при котором к общественному делу человек относится не менее горючо чем к своему личному, этого я пока еще не знаю. Вероятно, это делается не сразу и не одним человеком, а целым коллективом.

Наследок об одном общем друге нашего класса. Хорошо иметь такого друга, которому можно рассказать о себе то, чего бы никому не доверил, и думать, что он тебя слушает не из любезности, а потому, что глубоко заинтересован во всех твоих делах. Знать, что о тебе не будет утешать, если ты неправ, а скорее и честно скажет тебе правду в лицо. Мы вместе с твоим другом — это Елена Андреевна Бочарова, наш директор.

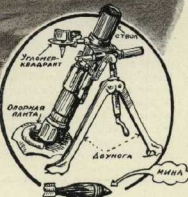
Мы стараемся не бегать к ней по пустякам, но как-то так получается, что она в курсе всех наших классных дел, даже мелочей. Она советуется, как переделать болтливых ребят (бывают еще и такие случаи, что взрослые люди приходят пересязывать на другую яру, так как сами они, раз начав болтать, не могут у себя остановиться). Она советуется, как лучше пойти и как составить план. Она бывает на наших собраниях, и мы любим, когда она приходит, хотя случается, что она гугает нас так, как нас никто еще никогда не гугал.

Мурра PERGAFX

ВОЕННАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

МИНОМЕТ

Лесной миномет.

«Что такое миномет и как его используют в бою!» — спрашивают ученые 32-я школы (Москва) Генрих Миньковский.

Отступивший враг укрывался на новом рубеже. Резко пересеченный рельеф, впадины, нагромождение мелких камней, скалы, поваленные деревья позволяли ему быстро создать новые очаги сопротивления и задержать наступление наших частей.

Из укреплений точек била несколько вражеских пулеметов. Красноварием задегали. Маскируясь в скальных местностях, они активно вели перестрелку, но не могли добиться желаемых результатов. Противник, укрывшись за камнями, гудами бревен, чувствовала себя как за броней. Наставший огонь стрелков не приносил ему большого вреда.

— Поднять миномет! — приказал командир.

Минометчики подошли быстро и расположились среди боевых порядков взводов. Они выбрали подходящую позицию, с которой удобнее стрелять, и установили на них свое надежное оружие. На расстоянии нескольких метров от каждого миномета зялет наблюдатель.

Описав крутую траекторию, мины обрушивались на головы врагов и минометно рвались. Враг сначала ослабил сопротивление, а потом обратился в бегство.

Миномет — оружие известного сшиба. Оно служит для непосредственной поддержки пехоты в бою. Минометчики неотступно следуют за

пехотой и занимают огневые позиции в ее боевом порядке.

Обладав крутой траекторией полета, прямой, вывешенный из миномета, способен поразить живую силу противника и его огневые средства, расположенные даже за большими укрытиями. Мина падает круто сверху, поэтому никакая земляная щель, окоп и т. п. не спасает от поражения.

Лесный (30-миллиметровый) миномет поражает цель на расстоянии от 100 до 800 метров. Минометы крупных калибров достигают противника и на более далеких расстояниях.

Успех стрельбы во многом зависит от быстроты действия минометного расчета. Особенно важно в бою быстро открыть меткий огонь и полностью подавить цель в течение 30 секунд. Этому могут добиться только хорошо обученные бойцы.

Простота конструкции миномета увеличивает его скорострельность. Так например ртотный миномет может произвести до 30 выстрелов в минуту (не меняя прицела).

Миномет относительно легко по весу, его можно быстро перенести с места на место. Огневой позицией для стрельбы из миномета может служить любая камина, яма, свая, воронка от сиренко, сбит вмести, защищенный от пуль и осколков противника.

Наиболее широкие рас-

пространение имеют ртотные (лесные) минометы. Их обслуживает минометное отделение, которое состоит из четырех человек: командира отделения, наводчика, помощника наводчика (он же подносчик мины) и повозочного (он удерживает специальную лужокую во время марша отделения).

Техника стрельбы из миномета не представляет большой трудности. Оружие устанавливают на огневую позицию, где-либо в укрытии, затем наводят на цель, определяют необходимые данные с наблюдательного пункта, и бросают мину в ствол (с дульной частью вжостовым опирением вниз. Как только мина соскальзает в нижнюю часть ствола и удирится каниском взрывного патрона об ударник, — патроне произойдет взрыв. Под действием пороховых газов мина вылетает вверх.

Для поражения противника используют различного рода мины, в зависимости от характера цели. Так например при стрельбе по живой силе и небольшим искусственным сооружениям (проволочные заграждения) применяют осколочно-фугасную мину. На ее голке имеется взрыватель митовенного действия. Такая мина взрывается сразу же после падеа, как только она коснется какого-либо твердого предмета. В разные стороны с силой разлетается до 400 осколков; они поражают живую силу на расстоянии до 15

метров от места падения мины. Отдельные тяжелые осколки могут поразить в радиусе до 50 метров от места взрыва.

Для стрельбы по противнику, укрывшемуся в окопах, блиндажах, защищенными сверху прочной крышей, применяют осколочно-фугасные мины со взрывателем замедленного действия. Такие мины, упав на сооружение, сначала пробивают его крышу, а затем уже взрываются, поражая укрывшихся пехоту.

Специально для разрушения укреплений применяют особо устроенную фугасную мину. Она отличается от первых двух большей длиной, меньшим диаметром и имеет усиленный взрывчатого вещества. На голку мины навешен взрыватель замедленного действия.

Для ослабления противника и в иных целях стреляют дымовыми и химическими миными.

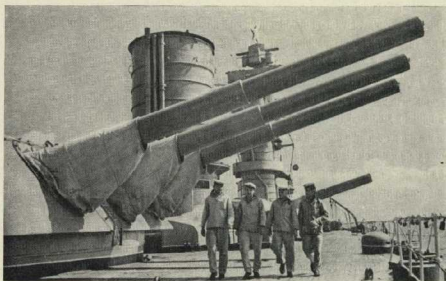
За минометами установлено прочное название — «артиллерия-редзеход». И не случайно во время прошлогодичного боя с белофиннами красноармейцы часто повторяли популярную песенку:

«Где пройдет боец пехоты, Там пройдет и миномет.

Цель любую в складках горных Миная меткая найдет».

Большойный комиссар
Л. ВЫСОКОСТРОВСКАЯ

**ПРИЕМ
В ВОЕННО-МОРСКИЕ
УЧИЛИЩА
ВОЕННО-МОРСКОГО
ФЛОТА
в 1941 году**

**В 1941 году ПРОИЗВОДИТСЯ НАБОР
В СЛЕДУЮЩИЕ ВОЕННО-МОРСКИЕ УЧИЛИЩА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА:**

ВЫСШЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ОРДЕНА ЛЕНИНА КРАСНОЗНАМЕННОЕ УЧИЛИЩЕ имени М. В. ФРУНЗЕ (Ленинград, В. О., набережная лейтенанта Шмидта, 17).

ЧЕРНОМОРСКОЕ ВЫСШЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ (Севастополь, почтовый ящик № 147).

ТИХООКЕАНСКОЕ ВЫСШЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ (Владивосток, почтовый ящик № 376).

КАСПИЙСКОЕ ВЫСШЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ (Баку, Зых. почтовый ящик № 264).

Срок обучения — 4 года.

Перечисленные училища готовят начальствующий состав Военно-Морского Флота, способный исполнять обязанности вахтенных командиров, обладающих теоретической подготовкой, достаточной для дальнейшего продвижения по окончании высших специальных курсов Военно-Морского Флота до командира корабля включительно.

ВЫСШЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ГИДРОГРАФИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ имени Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ (Ленинград, 112, почтовый ящик 450). Готовит командиров-гидрографов.

Срок обучения — 4 года.

ВОЕННО-МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ БЕРЕГОВОЙ ОБОРОНЫ имени ЛКСМУ (Севастополь, Корабельная сторона). Готовит командиров береговой обороны Военно-Морского Флота.

Срок обучения — 3 года.

ВЫСШЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ОРДЕНА ЛЕНИНА ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО (Ленинград, Главное Адмиралтейство). Готовит инженеров для Военно-Морского Флота.

ФАКУЛЬТЕТЫ: а) паросиловой, б) дизельный, в) электротехнический, г) кораблестроительный.

Срок обучения — 5 лет.

ВЫСШЕ ВОЕННО-МОРСКОЕ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ (Ленинград, улица Калеева, 22). Готовит инженеров-строителей для Военно-Морского Флота.

ФАКУЛЬТЕТЫ: а) фортификационных сооружений, б) строительства военно-морских баз.

Срок обучения — 5 лет.

ВОЕННО-МОРСКАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ (Ленинград, Фонтанка, 106). Готовит военно-морских врачей для кораблей и частей Военно-Морского Флота.

Срок обучения — 5 лет.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФАКУЛЬТЕТ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ (Ленинград, Театральная площадь, 3). Готовит капельмейстеров для Военно-Морского Флота.

Срок обучения — 4 года.

ВОЕННО-МОРСКОЕ МЕДИЦИНСКОЕ УЧИЛИЩЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (Кронштадт). Готовит медицинский персонал для кораблей и частей Военно-Морского Флота.

Срок обучения — 2 года.

ВОЕННО-МОРСКОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (Выборг, почтовый ящик 72). Готовит административно-хозяйственный состав Военно-Морского Флота.

Срок обучения — 2 года.

В УЧИЛИЩА ПРИНИМАЮТСЯ ГРАЖДАНЕ СОЮЗА ССР МУЖСКОГО ПОЛА в возрасте от 17 до 22 лет, ИМЕЮЩИЕ ЗАКОНЧЕННОЕ СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ ПРОИЗВОДИТСЯ с 1 января по 1 июля 1941 года. ПОДРОБНЫЕ ПРАВИЛА ПРИЕМА ВЫСЫЛАЮТСЯ УЧИЛИЩАМИ ПО ЗАПРОСУ

УПРАВЛЕНИЕ ВОЕННО-МОРСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Ответственный редактор М. Г. Осипов.

А 35468. Подписано к печати 24/II 1941 г. Изд. № 193. Формат 72×100 см. 4 п. л. 98 000 зн. в печ. л. Зак. 298. Тираж 45 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 2 рубля

